Плейлист волонтера

Автор:
Мршавко Штапич

Плейлист волонтера

Мршавко Штапич

Loft. Современный роман

Роман-true story от участника поисковых миссий известного отряда “ЛизаАлерт”.

Принято много и подробно говорить о потерянных людях и жертвах, которых находят поисковые отряды. Но мало кто писал и пишет о людях, которые в эти поисковые отряды входит.

Штапич четыре года занимался поисками пропавших людеи?. В этой книге он рассказывает о том, как ищут, где ищут, и, самое главное – кто они, эти добрые благородные поисковики.

Кто-то, надевая оранжевые спецовки, убегает от собственных проблем: от алкоголя и наркотиков, от нелюбимых и не любящих. От самих себя.

Но именно эти несовершенные люди спасают чужие жизни. Каждый день.

Книга содержит ненормативную лексику.

Мршавко Штапич

Плейлист волонтера

Художественное оформление издания Юлии Девятовой

Издательство благодарит Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency за содействие в приобретении прав

© Mr?avko ?tapic, текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

1. «Ленинград»: «Про любовь»

В поиски пропавших меня привели блядство и беспечность одного вице-премьера. В определенный момент своей жизни он решил присунуть восемнадцатилетней Гале – победительнице какого-то деревенского конкурса красоты: то ли мисс Смоленск, то ли мисс Брянск. Трахался он без гандона – за что и поплатился ребенком, зарегистрированным как безотцовщина на отличную от папиной фамилию, и вынужден был теперь втайне от жены обеспечивать жизнь «мисски» (гелик, квартира на Динамо, шмотки и другая труха).

Трахать Галю после родов, очевидно, было уже не так интересно – и, чтобы отвлечь ее от себя, он загрузил Галю работой. Так она стала председателем какого-то молодежного правительства, которое занималось непонятно чем, и владелицей пары бутиков, которые торговали всяким эксклюзивным, но никому не нужным тряпьем. Но недотраханной и – в сложившейся ситуации –

несвободной девочке этого было мало. Тогда вице-премьер нашел продюсера, который пообещал замутить с ней программу на одном из федеральных телеканалов. Собственно, тут и понадобился редактор и сценарист в одном лице. В этот момент – хоть и ненадолго – в жизни экс-«мисски» появился я.

Продюсер был изрядным мудаком и был приведен вице-премьеру «по знакомству». Эта цепочка в целом логична: мудаки знакомы с мудаками, подсовывают друг другу мудаков и работают по мудацким принципам; логично также и то, что я как бы замкнул собою эту вереницу. Продюсер сделал всё, чтобы просрать все 80к баксов, которые ему дали на «пилот»: взяв себе 60, на остальные 20 он попытался максимально ярко оправдать трату денег – но прокололся. Во-первых, он предложил снять социальное ток-шоу с репортажами самой ведущей, то есть Гали. Нужно ли объяснять, что героиня всего-то и умела, что крутить своими худыми, но привлекательными бедрами, а этого умения для репортажа маловато? В принципе, я бы оценил, если бы Галя виляла своей крепкой задницей перед старшаками-детдомовцами. Это была бы истинная благотворительность, в духе благородных девиц, отдававшихся целым ротам солдат перед последним боем. Во-вторых, чувак явно не понимал, какой я сценарист и редактор. Хуевый – по всем показателям.

Я любил выпить, любил митинги, и хорошо сек в «социалке». Первый свой год в «ящике» я провел корреспондентом на программе про инвалидов. Героями моих репортажей были бравые летчики – прошедшие испанскую, финскую и Великую Отечественную войны два убойных деда из совета ветеранов, со своей фишкой: чтобы их никто не понимал, они переходили на испанский; «афганец», которому оторвало ноги, но он справился и стал депутатом Госдумы; ссущийся под себя алкоголик, «партизан»-чернобылец со страшным псориазом по всему телу; слепая от рождения девушка, которая обладала невероятным либидо, не ебалась только с мертвыми и при всяком удобном случае хватала мужиков за причиндалы, которые она как будто видела; глухие, которые мне подарили страшно крутые сюжеты – драки в полной тишине, разбавляемой легким хрустом челюстей и звуками тупых ударов. После я работал редактором на музыкальном шоу, так что Киркоров мог позвонить в час ночи и петь песню «Зайка моя», и я должен был это слушать, а я, в свою очередь, орал песню «Спасибо, родная», и это уже слушал Боярский, который сам того не желал, просто незаметно встал у двери первой студии «Останкино». Целый телесезон я писал шутки для самой несмешной программы с четырьмя ведущими женского пола. Каждый божий день я писал шутки, ни одну из которых в эфире они так и не произнесли нормально. Кроме того, я сделал еще 5–6 разных развлекательных проектов и еще десяток мероприятий, на которых в основном жрал фрукты и пил коньяк в

гримерках.

В общем, я уже видел жизнь с разных ракурсов, поэтому фантазия у меня работала, но исключительно цинично. К тому же я понимал кое-что в телике, и сразу определил смерть грядущего проекта. Потому я, наверное, был последним, кому туповатый и жадный до усрачки мудак мог довериться. Тем не менее он доверился мне.

Я не сильно заморачивался с поиском темы. Тогда все СМИ стояли на ушах после образования волонтерского отряда по поиску пропавших. Прекрасное время империи, когда выяснилось, что в стране теряются люди и их вообще никто не ищет.

Подходящий для съемок сюжета случай подвернулся быстро, и в одно прекрасное ноябрьское утро мы сели в тачку продюсера, чтобы отправиться за 300 км от Москвы на поиски пропавшего вертолета. Вертушка пропала за неделю до, и шансов найти пилота живым не было; даже если бы он и выжил после падения, то замерз бы: в тверском лесу в ноябре довольно холодно.

«Легенда» была не очень интересной: пилот с малым налетом в одиночку решил метнуться на охотничью заимку; естественно, по старой русской традиции он не сообщил о вылете диспетчеру, поэтому отслеживали его уже после падения, и только по аварийному маячку, который, как показал поиск, почти бесполезен.

На опушке и вдоль дороги на протяжении метров трехсот стояли десятки машин волонтеров. Выделялся Hummer, который явно занимал лучшее место – у выезда с опушки, в самом центре, на небольшом бугре. Рядом толпились люди. Там, в середине столпотворения, мы нашли руководителей поиска: журналистку Риту Соловьеву и председателя отряда добровольцев Георгия Петрова. Риту я часто слушал в забавной программе на либеральном радио, где она была ведущей. Веселая обычно Рита резко контрастировала с мокрой Ритой на унылой опушке того, что в Твери называют лесом, а в остальном мире – болотом, поросшим деревьями. Где-то на этих ста квадратных километрах выработанного по большей части торфяника и лежал разбитый Robinson.

«Че, опять говорить надо будет?» – спросил Петров у Соловьевой, глядя на расчехлявшего камеру оператора. Поняв, что интервью давать не надо, Петров потерял интерес к нашей группе и вернулся к карте, на которой рисовал задачи

для групп, то есть «координировал» поиск. «Для “России” снимаете? – спросила Соловьева. – Идите в поисковой группе. Большая просьба – на выходе покажите, что снимете. Ок?»

Нас быстренько затолкали в группу поисковиков, и уже через полчаса я, оператор и Галя в дорогом горнолыжном костюме ехали в «Ниве» по торфянику в компании какого-то кренделя, который считал себя экстрасенсом, и заебанного третьими сутками поисков, старшего в нашей группе, профессора физики Гущина.

Гущина напрягали рассуждения экстрасенса, и у них завязался спор. Гущин долго и популярно рассказывал об авиации, действии аварийных маячков и визуальном обнаружении на местности. Экстрасенс порол про дольмены, духов и прочую лабуду. С телевизионной точки зрения это было похоже на обычное российское ток-шоу, посвященное чему угодно, кроме реальности. А реальность была такой, что у меня хватало сил только покрепче сжимать очко во время бесконечных скачков «Нивы» на колдобинах, и я не понимал, как Гущин и экстрасенс могут вести более-менее связный диалог.

Битый час отечественная комбинация гроба и полного привода тряслась по дороге среди пустоши с чахлым березняком. Казалось, что в таком прозрачном месте невозможно не обнаружить вертушку с воздуха. Но пропавший Robinson R44 был белым, а пространство местами слегка припорошило снегом…

Когда «Нива» остановилась, местность оглушила невероятной, непроницаемой тишиной, и страшно стало покидать этот неопрятный аппарат.

Торфяник при каждом шаге гудел под ногами. Профессор Гущин повел нас строем типа «гурьба» в наш квадрат – в километре от дороги. Я глотал сопли и жалел, что не надел шапку. Галя шла, наступая с носочка, чтобы под ней меньше гудела земля. «Не провалитесь, не переживайте», – твердил Гущин и подавал Гале руку при малейшем препятствии. Оператор, почему-то оставивший чехол на опушке, нес камеру, укрывая ее курткой. Экстрасенс сосредоточенно всматривался в кусты. «Хочу поссать», – внезапно и грубо объявил он. Группа по указанию Гущина остановилась. Ноябрьский снег падал мне в волосы и тут же таял. «Он тут», – проорал из мелколесья экстрасенс.

Позже авиационный комитет даст в отчете такую формулировку: «ВС было случайно обнаружено волонтерами, а не специальными службами, в районе, отработанном воздушными и радиотехническими средствами поиска». С одной стороны, желание экстрасенса поссать именно в этой точке – это действительно случайность. С другой стороны – ну не совсем же случайно он оказался в Тверской области, в середине торфяника, с полным мочевым пузырем.

За лужицей мочи в снегу, под березками, лежал Robinson R44, сложившийся в ровный белый металлический шар диаметром в метр. Рядом валялся хвост. Экстрасенс, оправляясь, развернулся к нам: «Как его, а… укатало».

Срубленные вершины берез четко указывали на то, что судно падало под небольшим углом, а не в пике. Вокруг были видны замерзшие куски мяса и костей, разбросанные в хаотичном порядке. Картинка страшная, но очень кинематографичная.

Галя впечатлилась и начала плакать. «Да это он с собой вез! – прокомментировал экстрасенс, глядя поочередно на мясо и Галю. – Труп-то вон!» И правда, труп ничком лежал метрах в десяти. Мужик лет 50 был на вид цел, но на самом деле труп, да еще лежалый. А мясо принадлежало лосю, которого покойный застрелил, разделал и вез с собой со своей далекой заимки.

«Галь, давай тут», – поставил я героиню на фоне разбитой машины. Галя, готовая на всё, немножко заплаканная, накрашенная как на тусовку, уставилась в камеру. «Говори, как нашли» – команда подействовала мгновенно, и Галя без подготовки бросилась бормотать всякую чушь, искренне боясь оглянуться. Ей хотелось как можно скорее отделаться от своих впечатлений.

Так у нас получился репортаж про экстрасенса, который угадал, где лежит труп. Такой отчет здорово бы смотрелся вместе с выводами авиационного комитета. Меня это забавляло, потому что я не думал противиться краху этого странного «пилота». Хотя… проект был бы охуенным, если б наш «ящик» готов был к такому откровенному черному юмору, постмодернизму, столкновению любовницы вице-премьера и реальной жизни в ее экстремальных проявлениях. Честное слово, это можно было бы довести до уровня фантастических диалогов Невзорова и каннибала о заготовке человечины впрок, на зиму.

Волонтеры, продрогшие в осеннем лесу, были несказанно рады находке. Все порядочно устали бродить по торфяникам: поиск продолжался больше 7 дней. Этот факт, кстати, заставил меня изумиться: люди неделю торчали в лесу, чтобы найти нечто неживое, что полиция и спасатели уже перестали искать (а потом снова начали, но только из-за волонтеров, которые постоянно приезжали, днем и ночью).

Мы показали отснятое Рите Соловьевой. Рита смотрела на упавший вертолет без особого интереса. Потом развернулась: «Ты вообще единственный из телевизионщиков за всю мою практику, кто показал картинку. Всё нормально». Тут же подскочила какая-то девка на каблуках, представилась пресс-атташе МЧС по региону и попросила видео. «А почему труп не сняли?» – «Ну, мы… как бы его не будем показывать», – пробормотал я, не сразу отыскав причину не снимать труп. Девка злобно буркнула: «А мне теперь туда ехать».

Через пару дней мы сняли студийный «пилот», который начинался словами любовницы вице-премьера: «Если государство не решает проблему, люди сами попытаются это сделать. И сделают это лучше государства».

Продюсер-мудак не заплатил мне ни копейки. А «пилот» так и не вышел – нигде и никогда. Впрочем, потом я видел Галю на канале, предназначенном для сомнительного пространства «СНГ». Она некоторое время скучно бубнила что-то с узбеками и белорусами об общем пути в социальном развитии. Настолько неинтересно было даже пытаться представить, куда же приведет этот путь Галю, белорусов и узбеков, что я не выдержал и выключил «ящик» уже через минуту.

Но – о главном. Мне понравились поиски. Это было гораздо лучше, чем получать по ебалу на митингах. И, кроме того, эффективнее. Ведь на митингах, кроме разбитого ебала, ты не мог получить ничего (ну, после 2012 года мог получить еще и статью), а поиски позволяли найти человека или его останки.

Мне было 23. За полгода до описываемых событий в день моего рождения Ленинград презентовал новый альбом – «Хна». На концерт мы пошли с – тогда еще – моей женой и парой друзей. Меня порадовало, что 2000 человек, 3/4 из которых гетеросексуальные мужики, подпевают длинноногой рыжей красавице «я так люблю / когда большой и толстый хуй во мне». Юля Коган, та самая красавица, была настоящей дивой, чудесной феей, примой, которая творила нечто невероятное своим вокалом. Через неделю после концерта я расстался с

женой. Поэтому вся «Хна» приобрела некий траурный, депрессивный окрас.

И вот – поиски. Мне 23, 23 с половинкой мальчику. До того я успел жениться, сделать двух детей, приобрести кучу вредных привычек, пройти пару ступенек по карьерной лестнице, а потом всё, кроме привычек, просрать. Впереди меня ждала любопытная эпоха. Эпоха поиска, в которую я входил с отчаянной песней «Про любовь», лучшим лирическим треком от Шнура, вышедшей прямо перед моим первым поиском.

2. Eminem: «Lose yourself»

В течение месяца я несколько раз выезжал на поиски и познакомился с костяком отряда. На тот момент – человек 40, которые ездили постоянно. После поисков – удачных и не очень, а также просто в свободное время отряд в разных составах собирался в бургерной на Маяковской. Думаю, что часов 7–10 в неделю тогда у всех уходило на эти посиделки, которые приобрели какой-то кулуарный, нутряной характер. Благодаря общению в бургерной ты мог получить некие неформальные права: звонить людям посреди ночи с просьбой отвезти на поиск/забрать с поиска/присоединиться к поисковой группе; также ты мог получить приглашение на «закрытые» поиски – то есть на те, официальную информацию о которых могли не размещать вообще нигде: ни на форуме отряда, ни в Twitter (который быстро стал одним из основных способов связи).

Особое состояние жизни в волонтерской среде всегда подчеркивали позывные. Если в обычной жизни ты был, скажем, Васей, то тут мог стать «Белым магом» или кем еще. Некоторые, впрочем, оставляли свои фамилии; так поступил и я. Штапич. ?tapic. Не очень удобно для позывного – есть «ч» и «ш», так что в рации такое сочетание букв шипит и может слиться с помехами в эфире. Но по мне, имена, прозвища, кликухи и позывные имеют ключевое значение. И вообще – скажите спасибо, что я не взял имя и фамилию целиком – Mr?avko ?tapic, Мршавко Штапич. Редкий русский произнесет это правильно с первого раза. А в рации это бы сбивало с толку: «Мшааа Штааачччч».

Ляля… Так ее называл только я. Наверное, потому что эта кличка подходит к ее истории. Ляля росла без матери. Отец пил, но в общем был нормальным мужиком. Ляля жила вместе с ним и явно заебывалась его алкоголизмом, но до

«белочки» он не доходил, потому Ляля просто постоянно и безо всякого эффекта капала ему на мозги. Кажется, до поисков у Ляли было много времени на ссоры с отцом и другие бессмысленные переживания: из-за рыхлого сложения и детских травм Ляля не гонялась за мужиками, они, соответственно, тоже за ней не бегали. Полагаю, что с приходом в отряд ее либидо окончательно сублимировалось в поисках. Мне, неофиту, Ляля тогда казалась настоящей валькирией – координировала много, часто ездила и на «чужие» поиски (то есть поиски других координаторов) и круглосуточно отвечала по любому каналу связи. При этом она успевала работать в графике 5 на 2, да еще находила время на удовольствия жизни вроде выпивки, что, учитывая ее наследственность, не удивляет. Со стороны могло показаться, что человек вообще не спал. Чуть позже я понял, что так оно и было, причем практически со всем костяком, особенно на первых порах формирования движухи. Некоторые достигали фантастических состояний сознания и могли идти в лес после трех бессонных суток без потери осмысленности действий.

Ляля в теме была год, поэтому уже поднабралась опыта. Именно ее я подробно расспрашивал о поисках на своей первой «посиделке» в бургерной. Когда опрос закончился, Ляля изрекла: «Короче, пропасть может каждый. Наверное, поэтому у нас и девиз такой – “помочь может каждый”. И если бы пропала я, наверное… не знаю… суицид, судя по своему портрету я бы так сказала».

Думаю, ей особенно нравились поиски «суицидников», потому что ее саму этот вариант привлекал как некий умозрительный исход. Однажды ночью она позвонила:

– Штапич, мне нужны четыре мужика.

– Сразу или по очереди?

– Поиск, суицид, лес.

– Ладно, машина-то есть?

– Тебя Волк заберет.

Через полчаса я сижу в машине с угрюмыми типами – Волком, Бобом и Хрупким.

Волк, суровый мужик лет сорока в синем спасательном комбезе с разгрузкой, специализируется на поиске криминальных трупов. Этой ночью он должен возглавить группу, а сама Ляля остается за «штаб» на опушке.

Боб, одетый в дорогую натовскую форму и кожанку, молодой и крепкий, рассказывает о каких-то мотопоходах; его никто не слушает.

Хрупкий, парень лет тридцати, широколобый, лысый и потрепанный, в кроссовках и легкой куртке, включил музыку в плеере и задумчиво смотрит в окно. Из дешевых наушников слышен Eminem. «Ford Excursion» несется по трассе в снегопад.

«Пропала девушка. 16 лет. Уже была попытка самоубийства, неудачная. Здесь же», – делится подробностями Ляля, стоя по колено в снегу. Мы – напротив заброшенного советского объекта радиосвязи, четырех металлических вышек высотой в пару сотен метров каждая. Летом на натянутых между верхушек канатах прыгали роуп-джамперы, а зимой пробраться к самим вышкам через лес и метровый слой снега было непросто.

Почему девочка решила сигануть с вышек? Наверняка причина, как у всех истинных самоубийц, была достойной. Например, неспособность расстаться с девственностью, буллинг в школе или еще что-то такое, что запрещает очень простую вещь – быть как все, или чуть менее обычную вещь – быть собой, что в принципе то же самое, что и «как все» для подростков.

После короткой рекогносцировки на местности мы понимаем, что если прыжок состоялся, то тело точно ушло в сугроб и, больше того, уже присыпано как следует свежим снегопадом – и его можно попросту не заметить при осмотре.

Но у потенциально мертвой девушки работал телефон (собственно, через благоразумно установленное после первой попытки суицида приложение слежки ее и обнаружили, хотя девайс указывал очень неточно). Оттого метод поиска выбран неординарный. Вместо того чтобы собрать пару десятков людей и прощупать весь снег под вышками (чего требует элементарная логика), Ляля дает команду каждому встать под своей вышкой. Когда все займут позиции, Ляля наберет ее номер телефона, кто-нибудь услышит звонок, и мы – вуаля –

получим свежий девичий труп в свои руки. Стоит отметить, что между вышками метров 300–400, поэтому товарищей почти не видно и не слышно: переговоры только по рации.

Через час мы, по уши в снегу, бредем – каждый к своей вышке. Ближайшую к дороге занимает Хрупкий. Я встаю у следующей и жду, когда Боб и Волк дойдут до своих позиций.

Громадина из стали, невесть для чего установленная вояками, вызывает трепет. Ванты, уходящие наверх, куда-то во тьму, потрескивают – то ли от морозца, то ли от того, что их долго никто не подтягивал. Какое-то время вдали мелькает фонарь Хрупкого, но вскоре исчезает совсем. Я тоже гашу свой фонарь – чтобы сэкономить заряд аккумулятора.

«А что, если телефон зазвонит под моей вышкой? Надо же пойти посмотреть, там она или нет… А если она еще живая?..» Прихожу к выводу, что лучше бы ничего не звонило, а если бы и зазвонило, то уж лучше труп, чем живая, переломанная девочка.

«Внимание! Тишина в эфире, через минуту будет звонок. Слушайте», – предупреждает Волк по рации.

Секунды текут медленно. Очень медленно. Мне надоело ждать – и я иду вытаптывать снег под вышкой, надеясь найти ее хоть так. В моем случае действие – некая победа над страхом. Волк снова выходит на связь, опрашивает всех – слышали что-нибудь или нет, и, убедившись, что никто ничего не слышал, назначает второй звонок. Потом третий. Я вытоптал уже радиус метров в 5, но с такой высоты, как мне представляется, можно было улететь гораздо дальше, поэтому я продолжаю топтать. В эфире снова появляется Волк:

– Волк Штапичу.

– Штапич в канале.

– Там Хрупкий не откликается ни в рации, ни на телефон, сходи проверь его.

Я иду к Хрупкому, но… у его вышки никого нет. Просто никого вокруг. Тут мне становится по-настоящему страшно. Врубаю фонарь на полную, на все 750 люмен, и осматриваюсь. «Эй», – откуда-то сверху слышу голос. Хрупкий сидит на дереве метрах в четырех от земли.

– Ты че там делаешь?

– Страшно пиздец.

– Че на связь не выходишь?

– Рацию уронил.

– Слезай, блять.

Одним прыжком, как та самоубийца, Хрупкий падает в сугроб, откапывает рацию и закуривает.

– Поехали ко мне после поиска.

– Зачем?

– Травка есть. Не всю тут выкурил.

Причина лютого страха Хрупкого становится понятной. Меня тоже пробирает на панику после травки. Однажды я даже выскочил из такси на ходу – так было страшно. «Поехали».

Через полтора часа Волк высадил нас на Таганке. Мы купили по паре банок пива и пошли дуть. Вернее, Хрупкий пошел догоняться, а я – так, пригубить. В холостяцкую берлогу Хрупкого пришла и Ляля – как оказалось, она жила в соседнем доме и они частенько пыхали вместе.

Длинный вдох, задержка дыхания. Так по кругу три-четыре раза. Дело сделано. «Чет не приходит» – верный знак того, что оно уже нагрянуло.

По укурке я становлюсь очень болтлив. Это выглядит даже не как человек с некими мыслями и страхами, а как радио, вещающее страх через двуногое существо. Хрупкий врубил Eminema и сел рубиться в CS. Ляля расплылась по дивану и пялилась в никуда. Гармония была достигнута.

– А я как пропаду? Молодой. Двое детей. Проблемы с работой. Все время слушает Агату Кристи. С утра встает и думает – какой же пиздец, и церковь эта, с мощами. А там мощи… зовут, как мою бывшую жену.

– Ты бухаешь, дуешь. Тебя или убьют, или травма, если пропадешь. Скорее ебнут по пьяни, – предсказала Ляля.

– А кто убьет, кто?

– Хачи какие-нибудь.

Хрупкий выключил игру и врубил карту поиска.

– Ляль, а какого хуя четыре?

Ляля начала стекаться, как терминатор Т-1000, в обычную свою форму.

– Какого хуя четыре что?

– Тут шесть вышек.

– Ебтвоюмать.

Ляля принялась звонить кому-то из отряда. Хрупкий рвался на поиск, но уснул в прихожей. Я оставался в режиме радио.

Утром девочку нашли под одной из пропущенных нами вышек. В это время я впервые проснулся на диване у Хрупкого. На телефоне были 5 пропущенных: от бывшей, у которой я должен был забрать детей, от мамы, от Ляли. Я не стал никому перезванивать, увидев смс от матери: «Детей забрала. Ты где?»

3. «Агата Кристи»: «Буду там»

Во всю ширину руки – татуировка с черной надписью «Вечная память» и ярко-красными розами, вьющимися по буквам. Черные джинсы, черные высокие ботинки с железным носом, черная короткая куртка, черные стрелки на глазах, черный лак на ногтях и, будто из другого образа, открытая улыбка и большие светло-голубые глаза. Я буду звать ее Кисой, хотя в отряде она звалась иначе. В зале я заметил ее и сел рядом. Дыша перегаром, к нам подсел Хрупкий.

Подмосковье, декабрь, Дом культуры какого-то НИИ. Собрание отряда, на котором должны выбрать председателя. Я в отряде – только полтора месяца и Петрова знаю плохо. Но уже понимаю, что отряд – это нечто среднее между ебанутой семейкой и недобитым колхозом. Как в семейке, здесь есть тревожные бабушки, которым надо всех накормить, известный хулиган, по которому тюрьма плачет, дядька-блядун, который бьет тетку, распущенная сестрица, собранная сестрица, ботаник, выскочка и так далее. Все эти мышки-норушки и лягушки-квакушки собираются вместе, чтобы выбрать самого главного чувака, собирателя сказок. И, поскольку во всякой семейке, собравшейся вместе, обязан произойти срач, он происходит.

Всем известно, что с момента создания отряда (а прошло с тех пор чуть больше года) есть несколько групп, которые хотят ввести свою форму правления или поставить своего «кандидата». Петрову не доверяют те, с кем он сам впервые, еще как случайный волонтер, пошел год назад на поиски маленькой девочки в лесу.

В зале – человек 40–50, это костяк и немногие новички вроде меня. Но право голоса – у всех, как в колхозе у пайщиков. Выступают противники Петрова – первый, второй, третий. Я сижу с Кисой. Хрупкий рядом хлещет коньяк и угощает меня. Киса уверенно тянет руку к бутылке, хотя мы еще не представлены друг другу.

Усатый мужик лет 55 бубнит со сцены: «Не понимаю, как человек, который сам не ходит в лес, может выдвигать свою кандидатуру. Большой вопрос вызывает отсутствие регистрации отряда. Всем же понятно, что мы пока – просто несуществующая организация…» Бубнеж со сраными псевдоинтеллигентскими формулировками был призван разогреть протестные настроения, испугать

внешней угрозой и настроить колхозников против Петрова. Но тут Хрупкого (он в этой сцене – буйный Шура-тракторист с чубом из кепки) подорвало. Он вышел, взял микрофон, встал, расставив ноги и чуть наклонясь вперед, в какую-то стойку американского сержанта, и начал орать в микрофон, обращаясь к усачу: «А ты где был на “вертолете”? Жора там неделю сидел! А кто штабную связь организовал? Где ты был? Я Жору знаю. Вот ты – че делаешь по жизни? А у Жоры бизнес, он может заниматься отрядом. И занимается. Учения кто сейчас организует? Жора. Так что надо не про регистрацию, а про личности. Нам нужен нормальный, четкий человек. Вот он. Всё».

Не знаю, сыграла ли патетика Хрупкого, но Петров ака «Жора» выиграл выборы с минимальным перевесом, причем за него голосовали все новички. Первым решением было провести следующие выборы не через год, а через год и три месяца. Так анархия через демократию порождает тоталитаризм. Вполне себе русский ход событий.

Я был доволен не столько выбором, сколько тем фактом, что мне тоже дали право голоса. Я – пайщик. Но усатого мужика я не видел на поисках, да даже если бы и видел, не доверился бы ему: старый совковый черт. Трехполосочный чувак, который ест бургеры и пьет коктейль «сникерс», по-любому ближе к сердцу.

После собрания я познакомился с Кисой. И тут же позвал ее пить пиво на следующий день. Люди называют такие встречи свиданиями, но я просто напиваюсь, вне зависимости от сексуальных ожиданий.

Bilingva еще работала, и никакой позорной «Одессы-мамы» и в помине не было. Пиво. Виски. Пиво. Обычный комплект для разогрева. Нужно сказать, что я имел привычку приходить чуть раньше, чтобы быть легким и спокойным к моменту появления девушки. Эта тактика никогда меня не подводила. Не знаю, что они там себе думают, когда приходят, а ты уже теплый, но, видимо, это тепло чаще играет на руку. Если же некая «она» потом уходит/отказывает – ты все равно в плюсе, ведь ты уже пьян и немножко счастлив.

– Зачем такая тату?

– За два дня до свадьбы жениха сбили насмерть.

Девушка с такой историей не может не заинтересовать.

Разговор про развод, смерть, пиздец. Отлично.

Пьет нормально. Жопа в порядке. То есть она есть и не плоская.

Поцелуй.

– Пойдем ко мне.

– Ты ж с родителями живешь.

– Если ты думаешь, что секс заставит переехать, то сначала надо попробовать.

Звонок. Берет трубку:

– Алё. Я со Штапичем. Он из отряда. Ничего, отрядные всякие дела обсуждали… нет, не пила. Хорошо. Напишу.

Бросает трубку.

– И? – спрашиваю.

– Ну, это Семен… Семеныч на форуме.

– Твой парень?

– Ну, так, он из отряда, просто спрашивает.

– Да ладно.

Еще поцелуй. Не решается. Едет домой.

Утром смс. «Привет, это Семеныч из отряда. Надо встретиться, обсудить кое-что». – «Ок».

Почему не выпить? Он зовет – значит, нальет. А я очень даже не против. Я уже посмотрел его профиль на форуме и на фотки в соцсетях. Он ниже меня и не занимался единоборствами. Вряд ли уебет. Чтоб вы понимали: человек ниже меня – это вообще низкий человек, потому что я – среднего роста.

Пример чего-то хорошего, что превратилось в говно, – ресторан «Дурдин». В то время он был где-то на середине своего пути к упадку. Пиво было в порядке, потому что пивной бум еще не пришел в город, и маленькие, «крафтовые» пивоварни не пооткрывались, поэтому сравнивать дурдинское пиво можно было только с отстойным заводским или импортным, которое стоило втридорога. Уже через час я выпил 4 кружки за счет Семеныча. Таким образом, я компенсировал убытки от встречи с Кисой, где платил я, встречи, которая не могла ни к чему привести.

– Она легко травмируема… – переходит к откровениям Семеныч.

– У нас ничего не было, – отвечаю.

– Она просто тянется ко всему, что похоже на НЕГО…

– Это ты про меня?

– Я не знаю, как окончательно завоевать ее… но ей же никто не нужен… а я всё могу ей дать.

– Ну…

– Она ночует только у себя дома…

– Бывает.

– Не представляешь, как заебывает ее отвозить после секса.

– Понимаю.

– Все это черное, цепочки эти, пирсинги… их только больше…

– А чего ты хотел?

Семеныч задумывается и внезапно выдает: «Вообще, я хочу летать».

Он реально учился на пилота. Через несколько лет знакомство с ним обеспечит мне скидку на полет над Байкалом в махоньком четырехместном самолете.

Еще Семеныч писал книгу. Графоманскую фантастику, которую даже потом издал. Не помню, о чем там, хотя я честно прочитал. Просто это фантастика. Я ее никогда не запоминаю. Я запоминаю жизнь, которая пахнет и может причинить боль.

Кажется, разговор ушел от неприятной темы. Семеныч заказал еще пива, я вышел в плюс. Но зря. Возвращается к Кисе:

– Слушай, почему она себя так повела?

– Не знаю…

– В этом отряде почему-то всё так. Делают прекрасное дело, в журналах их фотки, на телике – герои, а в жизни – блядский улей какой-то.

Блядский улей. Трудолюбивые, терпеливые, сильные пчёлы, которые без устали делают глупости, когда не заняты своим нектаром. Улей. Семья. Колхоз.

4. Лев Лещенко: «День Победы»

9 мая 2002 года. За 10 лет до того, как я оказался в отряде. Теракт в Дагестане, в Каспийске. Звучит «День Победы». Посреди марширующего строя морских пехотинцев подрывается взрывчатка с «начинкой» – привет от чеченцев. Трупы, руки, ноги, лужи крови, дым, повисший над улицей. Паника. Переломанных морпехов – с фонтанами артериального кровотечения, с торчащими из клочьев мяса костями, – тащат их же сослуживцы. «Что они делают не так?» Двое несут третьего, без сознания, голова опрокинута, рука повисла в серьезном переломе. «Они убивают своих же». Стонущего от боли солдатика закидывают на заднее

сиденье. «Уже к вечеру вы узнаете, как не убить и стать полезным. Ничего лишнего. Только схемы действий, которые надо выполнять безупречно. Только механика, только алгоритмы». На тротуаре лежат человек 15–20, у некоторых – люди перевязывают раны, у других никого и рядом нет. «Вы начнете быстро и легко определять, кому помочь, а кому нет», – Алексей проговаривает всё это сухо, без эмоций, которых у него, кажется, к его 60 годам не осталось вообще. Осталась только память, способность действовать по жестким сценариям и исключительная преданность своему делу.

Сухой, подтянутый Alexey_Emergency – отрядный врач. Реаниматолог из «Скорой», с огромным опытом. В подвальчике на проспекте Вернадского в субботнее утро он начинает менять людей, которые хотят заниматься поисками. После этого обучения ты лучше прекратишь кровотечение, лучше распорядишься временем, лучше будешь «держать» пострадавшего. И ты сможешь сделать это лучше, чем большинство фельдшеров «Скорой». Именно на занятиях ты понимаешь, насколько плохо была организована доврачебная помощь при всех без исключения массовых терактах в России.

Алексей распределяет всех по парам – тренировать остановку кровотечения друг на друге с пульсоксиметрами, потом реанимацию – на манекенах, и т. д. Я попадаю в пару с объемным дядькой по кличке Зид. Он – хозяин отеля где-то на востоке города, и пришел с девушкой – Татаркой, но Алексей разбил пары, как захотел. Ритм песни «Staying alive» запоминается раз и на всю жизнь. 100 ударов. 30 ударов – два вдоха – 30 ударов. Локти выпрями. Помоги только тогда, когда точно сможешь, в остальных случаях – не вреди, не трогай. Если он должен умереть – дай умереть, просто вызови «Скорую» и ничего не делай. Жизнь спасателя – 3 жизни пострадавших. Никогда, ни за что, не корми из своих рук таблетками и не вводи иглы.

И – волшебное правило: носи с собой латексные голубые перчатки. Как только ты их надеваешь, тебя слушают все. Люди не посмеют при человеке в голубых перчатках совать ложку эпилептику в рот или нести человека с открытым переломом куда бы то ни было. Они будут слушать. Я десятки раз оказывал помощь на улице, и люди всегда расступались при виде перчаток. «Тон – просьба-приказ, только просьба-приказ. Это работает». Ты можешь помочь только тогда, когда тебе не будут мешать. Голубые перчатки.

Весь фокус этих простых знаний в том, что ты работаешь, если видишь, что есть поле для деятельности, и не работаешь, когда не надо.

После обучения все получали «укладку», в которой был клапан для сердечно-легочной реанимации, удобная косынка, жгуты, палочка-затяжка, перчатки. Этот комплект я носил с собой года три, ежедневно, и несколько раз он мне пригодился.

Первый кейс.

ДТП. Какой-то азиатский гастарбайтер на двойной сплошной. Кровь горлом, короткие, редкие и сильные судороги, переломы нескольких ребер и – открытый перелом черепа. Рядом – осколочки костей в крови. Скорее всего, это 100 % труп, но, тем не менее, в сознании, с дыханием, так что я начинаю делать то, что должен.

Закрываю рану на голове, порядочно увазюкавшись в крови.

Но в приехавшей «Скорой» – ОБЫЧНАЯ, фельдшерская бригада, которая просто нихуя не соображает, и, под мои крики «какого лешего?», не дослушав вполне себе внятный доклад о травмах и происшествии (во время моей работы свидетели бурно всё обсуждали), парни просто закидывают переломанного человека на каталку, даже не пощупав. То есть, если у него были переломы, они его лишний раз доломали, ухудшили состояние пострадавшего.

Второй кейс.

Пью кофе на летней веранде кафе, слышу удар и звук падения. На тротуаре бьется в судорогах пацан лет восемнадцати. Кладу его на бок, куртку под голову.

Подскакивает какой-то продавец шаурмы (опять гастарбайтер), пытается – классика – сунуть парню в зубы ложку. Останавливаю его. «Я врач», – гордо заявляет продавец шаурмы. «Ложку себе засунь знаешь куда, врач?» – отвечаю я, натягивая перчатки (и, кстати, сделал это поздно). Парень тем временем приходит в себя.

– Привет. У тебя был судорожный припадок. «Скорую» уже вызвали. Пожалуйста, не вставай.

– А где я?

– Таганская площадь.

– А что случилось?

– Тебя вырубило, ты, видимо, еще головой ударился, когда падал.

– А где я?

– На Таганке.

– А что случилось?

Ретроградная амнезия такая забавная штука. Выясняю, как его зовут, нахожу номер телефона отца и отправляю на «Скорой» в больничку, сообщив отцу, куда его везут.

Третий кейс.

Тоже ДТП.

По дороге на поиск вижу, как ехавший по встречке квадроциклист красиво встречается с отбойником, пролетает метров 20, шлепается (повезло – отдельно от квадрика) и немножко проезжает по обочине, распластавшись по ней всей площадью тела.

Сознания нет, дыхание в порядке. Квадрик дымится посреди Новой Риги.

Осмотр: сука, целый, как яичко, ничего не поломал.

Накидываю ему воротник, прошу товарища контролировать (т. е. следить, если пропадет дыхание или сердцебиение), а сам вызываю службы (товарищ попался тупенький, было ясно, что сам не вызовет быстро). У диспетчера прошу дать все службы – «Скорая», ГАИ, пожарная.

Пока товарищ контролировал «пострада», беру порошковый огнетушитель и засыпаю квадрик. Не хватает. Торможу двоих, выливаем еще 2 огнетушителя. Квадрик перестает дымиться. Засыпаем масло или бензин, натекшие из квадра. Ставим треугольник.

Тут сукин сын приходит в сознание. Пьян, как я в лучшие свои дни. Узнаём, как звать, че пил, с кем. Пытается уйти. Не даем.

Через 15 минут приезжают «Скорая» и ГАИ. Все нормально, ребята работают. Звонят пожарные:

– Алло. А нам еще надо приезжать?

– Парни, вы в себе? Если б тут чето горело, уже было бы поздно!

– То есть уже не надо?

– Приезжайте, ментам поможете. Посреди шоссе квадрик лежит.

– А что горит?

– Квадрик дымился, я залил.

– То есть огня нет?

– Парни, вы или едете, или я в ЦУКС наберу.

ЦУКС, Центр управления кризисными ситуациями, – это вроде штаба; им всегда страшно. Приехали еще через 10 минут.

Вот она, жизнь под новым углом. Ярость. Экспрессия. Пиздец, который приходит как по расписанию.

Новый ракурс – это школа Алексея. Он показывал видео, на котором два пешехода идут вдоль дороги. «Что вы видите? Два человека идут вдоль дороги.

А дорога – это линия фронта. Они идут спиной к врагу». Машина сбивает обоих, их отбрасывает в стену. «Две смерти. Потому что нельзя быть спиной к врагу на фронте». Из машины выбегает баба и начинает собирать мелкие обломки машины – кусочки фар, какие-то пластиковые детали. «Из-за этого видео на нее взъелась вся страна. Но она ведет себя типично для шокового состояния. Она – не подонок. Да, она сбила людей и виновна. Но нельзя сказать, что она ведет себя цинично. Потому что у нее – шок. Если такое увидите, не бросайтесь бить морду».

Тебе должно быть похуй, что происходит. Если, конечно, то, что вокруг, тебе не угрожает. Тебе не нужна мораль. У тебя иные цели.

Думаю, такая установка и приводит людей в отряд. Люди устали судить и думать над происходящим. Им нужна цель, бесспорная и понятная. И она есть: поиск и спасение. Ниша без конкурентов на рынке. Партия, в которой любая политика всегда ниже главного.

5. Комиссар: «Ты уйдешь»

Музыка должна быть в кадре. Есть такой принцип у ряда кинематографистов. Она не может помогать режиссеру искусственно, ей следует влиять на героев, сопровождать их, а не просто создавать настроение для зрителя.

Я принимаю этот принцип. Поиски к этому располагают: каждый поиск – это поездка в машине, с радио или с записанной музыкой. Звонки тысяч телефонов с тысячей разных рингтонов. Полет в самолете с плеером. Каждый раз – разные собеседники, разные водители, разные треки.

Февраль, из динамика Ford Explorer звучит РетроFM и песня о том, как «опять сойду с ума, я прошу тебя, постой». В машине – Зид, Татарка и я.

Пропавшая – девочка 17 лет, инвалид.

«У нее что-то с головой», – поначалу говорят родственники, как бы стесняясь слова «олигофрен». Однако Жору не проведешь, и он вытаскивает это слово на опросе. Впрочем, в данном случае диагноз не проясняет всего. Все помнят, что олигофрен – это нечто ограниченное умом, но в реальной жизни с этим никто не сталкивался, поэтому никакой особой тактики нет, и мы просто отправляемся клеить ориентировки. И, мать его, февральская ночь – худшее время для этого, а подмосковный Клин – точно не самое комфортное место. Руки мерзнут, на зубах (которыми рвется скотч) остается липкий налет из клея. Хорошо, что конечная точка маршрута – теплый, хотя и не гостеприимный по своей сути ОВД. К этому моменту у нас уже есть свидетель, который видел девочку. Теперь ее можно «зацепить» и проследить по камерам. Только вот для этого нужен мент – чтобы магазин и автозаправка у места свидетельства дали доступ к видеонаблюдению.

– Ребят, ну раздадим мы ваши листовки, а камеры – ну, вы че? – тянет дежурный опер. – У нас тут убийства, изнасилования… Да она у вас почти совершеннолетняя, че с ней будет?

– Она олигофрен.

– Родственникам привет, пусть смотрят внимательнее.

Ни увещевания басом от Зида, ни мольбы Татарки, ни мои вежливые монологи – не помогают.

– Ребят, я всё понимаю, но я не поеду ваши камеры смотреть… А если сейчас что-то серьезное свалится?

– Тогда и поедешь на серьезное, – втолковывает Зид.

– А если вас из главка попросят, поедете? – спрашивает Татарка.

– А кто у вас в главке?

– Дедов.

Опер начинает собираться.

– Вот вы – не первый день, да? А сколько вам платят?

– Ниче не платят, мы же волонтеры.

– Да брось, скока?

– 40 тыщ за труп, 100 за живого, – угорает с серьезной миной Татарка.

– Ничего себе. А как к вам попасть?

– В основном через своих людей.

– У нас тоже, эх. Вот и меня тесть пристроил… не то бы служил в ППС. Везде все через жопу, а, что за страна…

Нужно отметить, что ППС – самая низшая ступень в полицейской иерархии. Там работают те, кого просто невозможно отправить ни на какую работу. Эти люди даже вагон коробками загрузить не смогут. Они просто не справятся. Для них даже одинаковые коробки, смирно лежащие на складе, – это уже нечто вроде тетриса на десятой скорости. Но есть в этих парнях и хорошее: как правило, их тупость связана с глубокой, почти детской наивностью, и, попав в ситуацию, которую они до того не наблюдали, они склонны верить предложенной трактовке. Впрочем, наш опер был все-таки опером – со всеми вытекающими, и рассматривал людей как будущих информаторов, то есть с точки зрения пользы.

По пути в машину мы слышим поразительную, но абсолютно реальную историю.

– Недавно на сутках был, звонит вечером бабка. «У нас тут убивают кого-то». Крики слышит. А там крики такие, что я через телефон слышу, хотя от дежурного стою в метре, а бабка говорит из соседней квартиры. Вылетаем, группу захвата себе вызываю, все дела. Вошли в квартиру. Восемь узбеков сидят, обедают в своем шалмане, прямо на полу. Узбеков мордой в пол, в комнату вторую проходим, а там осел. Живой. Стоит. Молчит. Смотрю, а осел какой-то ухоженный, чистый, не пахнет, а на голове шапочка такая, женская. Попона какая-то еще. Короче, цирк. Шмонаем узбеков. На осла у них и разрешение есть, и прививки, вся фигня, нельзя забирать. Ну, мы уехали. Тут перезванивает бабка – опять говорит, крики. Я ей объясняю – бабка, осел орет, а

осел это осел. Бабка говорит – не, он не просто так орет. Тут до меня начало доходить. У них первый этаж. Вернулся ночью, к окошку подхожу, а там узбек этого осла жарит прям не по-детски, а тот орет, понимаешь? Орет.

– И что с осликом? – интересуется Татарка, пока мы с Зидом ржем.

– Да забрали к утру беднягу. Ветеринар сказал, они ему там че-то повредили. А соседка говорит, что он и раньше орал, но тихонько… притерпелся, наверное. А потом ему видать раз вкорячили, у него тоже ведь жопа не безразмерная, че-то порвали ему там – и он от боли орал…

На заправке благодаря оперу нам дают посмотреть камеру – и свидетельство подтверждается. Девочка еще 8 часов назад была здесь, шла с каким-то мужиком. Естественно, он весь в черном, изображение – размыто… Распечатываем этот кадр и едем в штаб.

«Ведомая. По тому, что рассказали родственники, характерно для олигофрена. И где оно теперь? – Петров обычно называет пропавших в среднем роде, как будто отстраняясь от их личности. – Криминал пока не рассматриваем, это труп почти во всех исходах. Так. Перед нами по факту женщина с титьками, гормонами и развитием шестилетнего ребенка. Секс? Ждем утра, опрос тотальный. Пока продолжим оклейку в этом районе. Станцию и остановки отработать на 100 %. Чтобы оно отсюда не ушло. Утром снимем, скорее всего».

Полночи мы мерзнем, но уклеиваем всё.

Ранним утром обходим продавцов, охранников, заносим ориентировки в автопарк, раздаем местным таксистам, благо их немного.

Типичный монолог, когда суешь ориентировку продавцу в окошко палатки: «Посмотрите, пожалуйста. Пропала девушка, 17 лет, с задержкой в развитии. Как пятилетний ребенок. Вчера, пропала здесь, в вашем городе. На данный момент есть информация, что ее увел некий мужчина. Пожалуйста, разместите ориентировку под стеклом». Однако у Татарки обращение иное, и всякий раз – разное: «Гляньте, девочка пропала. Красавица. Но она немного куку, как дитя малое. Ее какой-то мужик увел, никто не знает кудой. Не видели? Она такая приметная, шапочка розовая, шарфик…» Суровый Зид бродит в разгрузке и подает ориентировки, когда они заканчиваются у нас. Он не любит

коммуникации.

Внезапно бабка-продавщица, открывающая свой ларек, говорит: «Да я видела ее. Брела по шоссе. Минут 10 назад».

Бросаемся к машине – и через пару минут видим картину: наша «потеряшка» действительно бредет вдоль шоссе, без шарфа и шапки, дрожа от холода. Ноги у нее – голые!

Быстро усаживаем ее в машину (для этого всего-то и надо было сказать: «Катенька, иди сюда!»), и уже в машине понимаем, что из одежды на ней – только ее длинная куртка и ботинки. В штабе сдаем ее родственникам и врачам «Скорой».

Разъехались мы, не надеясь узнать всей истории. Но спустя неделю зазвонил мой кнопочный телефон.

– Алло! – голос опера в легком возбуждении. – Прикинь, выяснил, где она была. Прям у тех, которые с ослом.

– Слушай, а че им будет?

– Да ниче. Она же свидетель никакой. К тому же сама хотела.

И это правда. У олигофренов повышенное либидо, они могут трахаться сутками напролет и им это в кайф. Представьте – ребенок, заключенный в теле взрослого человека, очень хочет играть; просто игры у него особые. И ребенку без разницы, сколько людей с ним играет. Чем больше – тем веселее. Так что выиграли все – и девушка «поиграла», и парни, которые вынуждены были сношать осла, вдосталь наеблись. Россия, щедрая душа. Неясно только, нафига ее было полуголую выставлять из дому. Хотя наказать за это, опять же, трудно.

Нужно сказать, что опыт этого поиска еще не раз помог отряду в аналогичных случаях. Заслышав об олигофрении, сразу начинали прорабатывать сексуальные версии. Иногда взрослый олигофрен пропадал вместе с нормальным ребенком, например – тетка-олигофрен с племянником. Их нашли в соседней деревне, где

тетка напропалую развлекалась, а племянник спокойно играл с козлятами. Полная идиллия, если не принимать в расчет 300 человек, которые шарились в том числе и по лесу, все-таки «детский» поиск.

Сразу после поиска мы поехали в гостиницу Зида. Пили виски, ели доширак. Быстро, вкусно, с майонезом.

Гостиница больше напоминала хорошее общежитие, чем порядочный отель. Тем не менее – актив солидный, здание в 4 этажа с паркингом. После в этой гостинице, в ее актовом зале, проходили отрядные собрания, обучалки и тусовки разнообразных формаций. «Гостишка», как ее все называли, стала еще одним местом притяжения, а для некоторых – и временным приютом. Зид не скупился и селил обнищавших волонтеров к себе.

Стоит отдельно рассказать о паре Зида и Татарки. Зид только что, впервые, стал отцом – и тут же бросил жену и ребенка (и годы показали, что это некая модель поведения; он потом не раз делал детей и уходил от женщины тут же, вместо того чтобы прийти на выписку из роддома). Зид постоянно отбивался то ли от рейдеров, то ли от кредиторов, поэтому сам жил в гостишке и носил оружие. Татарка, тридцати лет от роду, счастливая обладательница двух мальчиков-близнецов десяти лет, сдала их в интернат, откуда их только на выходные забирали ее пожилые родители, в то время как сама она жила с Зидом. Жизнь Зида и Татарки напоминала какой-то вечный, наполовину хиппи, наполовину милитари, балаган. Лысина Зида и дреды Татарки между собой контрастировали так же, как его насупленность, камуфляж и немецкая полицейская куртка – с ее щебетаньем, юбками, яркими кофтами и вечными фенечками, или его грузная фигура – с ее аппетитными формами. Однако они были в полной гармонии.

6. «Rammstein»: «Moskau»

Москва. Великая, любимая, бесконечная, душевная, теплая и уютная. Город, в котором я знаю по крайней мере десяток мест, где можно надежно спрятать труп. Вселенная, в самых диких и страшных углах которой мне довелось побывать. Лабиринт, где ты можешь искать деда, которого привезли на «Скорой» в больницу и бросили в приемном покое, а он пропал; и ты найдешь его на территории той же больницы, замерзающим, описавшимся, запуганным

через 10 часов после пропажи.

Москва. Город, где менты могут наступить на колено или голеностоп спящему бродяге, чтобы понять – спит он или сдох, и эти же менты никогда не проверят его документы, не пробьют, из-за своей брезгливости, а между тем – он может запросто оказаться беглым убийцей, который раскроил черепа целой семье, а теперь ему каждый день в ладошках подают мелочь детки, приучаемые мамами к доброте.

Москва. Город, в котором ты можешь нюхать кокс нахаляву, а назавтра не иметь ста рублей на сигареты. Драматичный, непредсказуемый, яростный город, вместилище, источник и адресат самой большой моей любви.

Поиски «бегунков», то есть сбежавших из дому детей, – это возможность быстро прочувствовать дух Москвы. В сбежавших из дому подростках живет неприкаянность и жажда приключений. Каждый из них в этом смысле – мой брат.

Ночь. Все еще февраль. Мы с Хрупким беседуем о жизни и ждем доставки алкоголя. Выпить решили поздно, уже после часа Х, когда купить ничего нельзя. В таких случаях можно заказать бухла по интернету. Хрупкий разжился лишней парой тысяч и заказал 0.7 виски, так что мы ждем. Томительно. Нам обоим неловко, тяжело, предвкушение занимает сознание целиком.

И тут, как назло, падает поиск. Ховрино. Одновременно в гости приходит старина Джек Дэниэлс. Дилемма не из простых. Но мы выбираем поиск. Пропал ребенок – 12 лет, а народу много не соберется, потому что все уже спят.

Метро закрыто. Нас на поиск забирает Абрамс – чувак лет 30 на старом, наверное, его ровеснике, ржавом «Чероки». Абрамс одет как попало, плохо пострижен, в общем – соответствует своей тачке. Хрупкий и Абрамс всю дорогу трепятся о каких-то компьютерных хреновинах, так как оба – сисадмины. Мне скучно, я жалею, что мы оставили Джека одного.

Бодрой троицей мы прибываем в штаб. Из-за тотального отсутствия круглосуточных кафе да и вообще чего бы то ни было круглосуточного в Ховрине штабом становится «хомяк» Жоры.

Картина такова: мальчик, 12 лет, сбежал сегодня, прихватив немного денег. Пацан довольно боевой, лазал по забросам. Забросы ближайшие уже осмотрели, осталась только легендарная Ховринская больница, но в нее пока не суемся, нет на то указаний. Для начала проверим друзей, больницы и подъезды. Нам достаются подъезды.

Схема действий такая: пришел, прилепил ориентировку, оставил человека внизу (чтобы бегунок, который может там прятаться, не сбежал от тебя) и пытаешься войти в подъезд. Войти внутрь ночью – сложно, ведь почти на каждой двери домофон. Нужно звонить в первую попавшуюся квартиру или искать код. Код в 90 % случаев нацарапан где-то на стене в радиусе трех метров. Почтальоны, курьеры, бомжи и подростки специально оставляют пометки, здорово упрощая себе и нам жизнь.

Московские подъезды, их черные лестницы по ночам – это настоящая галерея быта и нравов. Как только ты вошел, поднимаешься на последний этаж и шуруешь вниз по лестнице, проверяя все лестничные клетки. В это время ты можешь увидеть: спящих бомжей, трахающихся людей, задумчивых курящих стариков в креслах на балконе или прямо на лестничной площадке, пьяницу или героинового наркомана, который спит враскоряку прямо на ступеньках, и много чего еще. Если на секунду остановиться и задуматься, то в этих персонажах можно разглядеть себя или узнать своих знакомых; типичность этих лестниц порождает типичность обитателей и – даже шире – типичность судеб вокруг. Но тебе некогда остановиться. Все это мелькает перед тобой, шприцы хрустят под ногами, двери хлопают, этаж пролетает за этажом, ты спешишь, потому что за ночь нужно проверить десяток, а порой и более подъездов домов высотой в 9, 12, 16 этажей. Метод абсолютно бестолковый, как показало время: вместо того чтобы добыть больше информации, в данном случае выполняется большой объем работы. В этом смысле очень русская тактика. Абрамс оказался человеком ленивым и предпочитает все время стоять внизу. Он пасет два подъезда сразу, пока мы с Хрупким прочесываем их.

Выполнив задачу, возвращаемся в штаб, в надежде отправиться домой на встречу с Джеком – но увы. Жора не сидел на месте и уже добыл информацию, что ребенок порой бывал в Ховринской заброшенной больнице. Поэтому большой группой, человек 12–15, отправляемся туда.

ХЗБ – это фонтан приключений. 10 этажей, 100 тысяч квадратных метров добротных обледенелых лестниц без перил, огромных холлов с пустыми шахтами лифтов, с какими-то стремными сатанинскими знаками, надписями Энкаунтера и Дозора на стенах и отовсюду торчащей арматурой. ХЗБ стоит посреди стройплощадки, заросшей деревьями. По периметру – ненадежная охрана, и собаки, мать их, орда диких собак и еще несколько сторожевых на цепях. И этим тварям не лень февральской ночью броситься на тебя. Сторожевые собаки расположены по хитрой схеме – на длинный стальной трос, натянутый между забором и зданием (метров 20–30), надета цепь, и голодная злая тварь может бегать вдоль троса.

Не знаю, какими стальными яйцами должен обладать двенадцатилетний пацаненок, чтобы туда сунуться. Но русские дети вообще безбашенные. Оглядываясь на свое детство, я всегда изумляюсь той веселой смеси глупости и смелости, которая жила во мне; еще иногда боюсь, что эта смесь не погибла.

Чудом отогнав стаю диких собак и обогнув при помощи сторожа псов на цепях, мы входим в ХЗБ. В группе много моих знакомцев – и физик Гущин, и Киса, и Татарка. Часа через два работа сделана – все-таки любое здание «закрыть» с тактическими фонарями и навыками не так уж и сложно, – и мы собираемся у выхода.

– Эта больничка мне родину напоминает. Холодно, бетон, лёд, снег, и нихуя кроме этого.

– А ты откуда?

– Из Магадана.

Так я узнал о том, что, кроме бедности, закалило Хрупкого, который поражал своими легкими кедами рядом с большинством в высоких берцах.

Минимум задач выполнен – и мы отправляемся пить.

Приятно после долгой беготни приземлиться на пуфик и потягивать виски. Правда, мое настроение не совпало с желаниями Хрупкого. Он быстро опрокинул

стакан в себя и начал рассказ, ради которого, как оказалось, всё и затевалось.

– У меня есть девочка… Мила… она просто охуенная. В Балахе ее нашел, но не суть. Такая, блять, любовь. Она ко мне на Алтай ездила…

– Ты ж с Магадана?

– Потом уехал… мать от отца ушла, вышла за бандита, и свалили. Не суть. Мила. Блять. Вот хорошая. Ну блять, ну почему… Друзья у нее – идиоты; прикинь, в баню ходит с мужиками.

– Эм… это типа как в сауну?

– Да не… Да хуй знает. Да вряд ли. Просто ебань: друзья, художники, блять, широких взглядов все эти нахуй. Я ей говорю: какого хуя? Она не прекращает. Квартиру вот снял. Зачем? Вместе жить. Она – никак. Дома с родителями. Люблю ее – пиздец. Сейчас вот опять упиздошила куда-то с друзьями. Хуй знает где, хуй пойми зачем… Мы уже 5 лет вместе. Но вот такая хуйня.

– Хрупкий, это странно. Если она так к тебе после стольких лет… Надо либо установить правила, либо нахуй.

– Ты че… Люблю. Какие правила. Тут. Пойми. Я даже когда первый раз ей в жопу – я до этого спецом нашел, с кем аналом заняться. Ну, чтобы знать, как это девкам в первый раз…

Тут я промолчал, так как заслуга сомнительная даже для такого беспринципного в своей сентиментальности уродца, как я.

– Что делать-то, блять?

– Выпьем?

…А мальчика нашли спустя два дня в больнице, куда его определили, потому что полицейские, которым он попался на глаза, не удосужились проверить ориентировки на пропавших хотя бы за последние пару дней. Если бы эти бездумные скоты проверили, парня бы не отправили в «гастарбайтерскую»

тушинскую инфекционку, где шанс вылечиться от чего-либо меньше, чем шанс что-то подцепить. Итак, менты сбагрили пацана медикам, как и предписано, когда несовершеннолетних находят на улице. Потом медики тупо записали пацана, который, не будь дурак, представился чужим именем.

Когда волонтеры наконец его нашли и убедились, что он наш, парень рассказал историю побега. Он поехал в Тверь прямо со станции Ховрино. Там прокуковал ночь и полдня на вокзале, попался на глаза ментам, сбежал, приехал домой и увидел ориентировку на себя на двери своего подъезда. Домой заходить не стал, потому что боялся получить пиздюлей от отца, и вот тут его, тупо слонявшегося по району, и взяли менты.

Этот поиск научил отряд не вешать ориентировки на бегунков, которые сбежали по своей воле. То есть если мы знаем, что имеем дело с рецидивистом или с тем, кто дал по тапкам впервые, но есть твердая уверенность, что сбежал осознанно, – его портреты не будут украшать улицы города.

7. «Aqua»: «Barbie girl»

Поиск «альцгеймеров» – это всегда уныло в процессе и весело при нахождении пропавшего. Счастливые обладатели этой болезни ничегошеньки не помнят из своего настоящего и незаметно шуруют куда-нибудь вдоль шоссе, не понимая, где они находятся. То есть «альцгеймеры» весьма упорны в своем намерении потеряться.

Веселым общение с такими потеряшками становится, когда на вопрос: «Какой сейчас год?» – они уверенно отвечают: «70-й!» или «86-й». У них еще Брежнев или Горби управляет страной, да и страна другая. Они проваливаются в памяти куда-то в молодость и пытаются отыскать «свои» символические объекты – типа ПТУ, дома, школы, остановки, где встречали любимых, и так далее.

«Альцгеймеры» и люди с деменцией – распространенный тип потеряшек, их гораздо больше, чем шизофреников, аутистов, олигофренов и вообще любых условных «психов» вместе взятых. Собственно, это и позволило отряду изучить их как следует. Многие волонтеры могут выделить из толпы человека с альцгеймером или после сильного инсульта, у тех и других похожие черты: не

своя одежда и аксессуары (например, женский кошелек у мужика), мужчины всегда отвратительно выбриты, если бреются (клочьями, как полуслепые), у них могут быть странные привычки в смысле украшения себя (детская шляпа, трое часов на одной руке), особенности поведения (идут там, где никто не ходит, например). Но такое точное определение, несмотря на яркость перечисленных черт, доступно лишь опытному и умному глазу.

Майский вечер. Платформа Никольская или Салтыковская, стремный частный сектор между Москвой и Железнодорожным. Координатор – Ляля.

Пропал дедушка с болезнью Альцгеймера. Ничем особенным не выделялся. Одет в серую куртку и синие джинсы, сам среднего роста, еще и, как назло, в кепке.

Начинаем искать типично: дороги, остановки, станции, ориентировки, опросы и т. д. Мне в пару дали Шуру – девочку ростом 165 сантиметров, худенькую, с высоким голоском и, к счастью, не в моем вкусе. Впоследствии она станет моим боевым братом – тем, с кем надо разделить последний хлеб, если в жизни такое придется испытать. Шура швырнет меня с парашютом (впервые в моей жизни), Шура съест пуд соли на поисках, Шура простит и поймет тысячу раз, когда я, Господи, вытворю всё, что моей пьяной душе угодно…

Мы с Шурой бродим вокруг станции, обклеивая столбы и щиты, расспрашивая кассиров и продавцов. Народу мало, станция при поселке из частных домов, без вкраплений человейников.

К нам подходит какой-то местный: «Вы ищете человека в серой куртке? Я листовку прочитал… там под платформой лежит кто-то в серой куртке». В таких случаях всегда хочется задать вопрос: «Блять, там кто-то ЛЕЖИТ под платформой, а ты не вызвал службы, «Скорую» и полицию?» – но вместо этого отвечаешь: «Спасибо за бдительность, сейчас проверим».

Бегом туда. Ныряю под платформу – не наш, моложе, но без сознания, дыхания тоже не слышно, глаза открыты.

– Шур, «Скорую»! Мужчина 45–50, без сознания, без дыхания. И укладку кинь…

Шура бросает укладку с клапаном для сердечно-легочной реанимации. Укладка рвется и разлетается в стороны. Бинты, клапан, перчатки раскиданы под платформой.

Тут же приезжает поезд, закрывающий меня с этим чуваком от внешнего мира. Не видно ни черта.

Итак, сейчас, может быть, придется делать реанимацию, впервые. Включаю фонарь, кладу его – и слепну (тактический, 700 люмен на полную), снижаю яркость, снова кладу, чтоб было видно, надеваю перчатки, осматриваю еще раз: пальцы скрючены, вроде труп, но остальное мягкое и он теплый, не сломано ничего. На шее – операционный шрам, явно старый, хорошо зарубцевавшийся.

Итак – под платформой, целый, но труп. Шерлока сюда!

– Шур, он помер, но теплый, – ору наверх.

– Не остыл еще?

– Блин, а если кома?

– Сделай ему кошачий глаз!

Этот прием мы проходили только в теории, и вообще – как дополнение. Он позволяет отличить глубокую кому от смерти. Берешь и сжимаешь глаз, и, поскольку глаз – мышца, если пострадавший жив, то глаз разожмется, а если человек умер, то останется «кошачьим». Стремно и любопытно – сжимать глаз. В перчатке ощущения немного тупее, полагаю, чем голой рукой, но все равно – глаз сжимается, превращается в кошачий и не разжимается обратно. Так он и лежит, уставившись в пустоту небытия одним нормальным, а вторым – кошачьим глазом.

Приезжает «Скорая» и, не доходя, метров с десяти врач произносит: «Наркоман». И тут я замечаю пенку у рта, которая до того не казалась мне подозрительной…

Бросаю перчатки рядом с телом. Курим с Шурой, потом идем в штаб получать новую задачу. Получив ее, оклеиваем сельские улицы и, уставшие, снова возвращаемся на «зарю».

– Штапич, ты охуел? – едва завидев нас, спрашивает Ляля – криком на всю улицу.

Штаб замирает. Волонтеры замолкают и прислушиваются.

– Ты труп нашел?

– Ну да.

– А че молчим?

– Так он же не наш, я убедился.

– А мы блять потом морги будем обзванивать и наткнемся, ничего?

– Да нам его не дадут, он моложе.

– Ты дурак? О любом трупе на поисках надо сообщать!

– Ладно тебе орать. Я вон глаз ему сжимал…

– Да мне плевать, как ты там с трупом развлекался, я Жоре все скажу!

– Окей.

Жора, думаю, только бы повеселился.

8. Кто угодно: «Рябина кудрявая»

С марта по май я ездил на разные поиски, и даже «пробил» поездку почти в 1000 км до Вытегры: искали пропавшего пятилетнего мальчика. Поиск свелся к работе щупом в метровых сугробах на протяжении всего дня. Работа сколь рутинная, столь и бесполезная – тело нашли только весной, на берегу реки в 5–6 километрах вниз по течению. Мальчик упал в воду и утонул – наверное, загляделся на что-то с моста. Конечно, о его падении стало известно только по обнаружении тела, а тогда мы искали просто пропавшего ребенка.

На обратной дороге в 100 км от ближайшего населенного пункта у нас заглохла тачка. Дорога, как назло, была пустынной – и мы толкали машину километр или два до заправки. Но самым унылым в поездке были не смерть ребенка (о его гибели еще не было известно) и даже не изнурительный толкач машины, а то, что более половины пути не работала ни одна радиостанция, и мы слушали народные песни с единственного диска, оказавшегося в машине. С тех пор я ненавижу «Рябину кудрявую».

Еще до этого, с января, я пошел учиться на спасателя – на настоящего, не поисковика, а по программе МЧС, в маленьком волонтерском отряде, осколке когда-то сильной «московской службы спасения». Многие из поисковиков учились там же, так что альпуху, пожарное дело, химию и прочие увлекательные вещи мы прошли вместе, заодно подтягивали людей с обучения к нам в отряд. Поискам там, кстати, учили прескверно, ограничивая курс компасом и картой генштаба с нанесенными на карту, наверное, еще в пятидесятых, строениями. Но это – простительно, ведь пресловутая «программа МЧС» построена на принципе, что природная среда вообще не место для работы спасателя. По иной программе учить нельзя – тогда выпускник не получит «корочки» спасателя третьего класса после государственной аттестации. В целом обучение было ценным и толковым. Например, разборам завалов обучал спасатель, который застал теракты на Каширке и Гурьянова.

В числе прочего наш курс побывал на весенних учениях, где были и поисковики из отряда, так что на учениях я и некоторые товарищи представляли сразу 2 отряда – спасательный и поисковый. Туда же приехали курсанты академии МЧС, будущие офицеры, один из которых запомнился просьбой «дать пистолет». Это вызвало бурю хохота и восторга у спасов, т. к. «пистолетом» он назвал пожарный ствол. Много раз люди в погонах СК, полиции, армии, МЧС дискредитировали при мне свои службы так, что можно было обоссаться от смеха и ужаса, но «пистолет» – лучший эпизод.

Офицер МЧС РФ, не отличающий, например, вену от артерии или, скажем, не знающий разницы у цвета колб от противогазов, – это норма некомпетентности у офицерского состава любых силовых ведомств. Рвачи, скоты, идиоты, пробравшиеся к большим погонам, раздали погоны своим детям, сватьям, зятьям и далее, также – исключительным идиотам. Их цель – рубить бабки. Мне страшно представить этих людей в действии. Не дай бог оказаться под началом одного из таких «деток» в настоящей борьбе за жизнь, в борьбе со временем. Впрочем, такое почти невозможно – ведь спасатели «с земли», из штатных отрядов, с которыми регулярно сталкиваются волонтеры, – это крепкие парни, которые вкалывают за три копейки (от 20 до 70 тысяч рублей по России) на основной спасательной работе, сутки через четверо, а остальное время «подрабатывают», имея основной доход с другого – кто занимается промышленным альпинизмом, кто ремонтирует холодильники, кто столярничает. Людей с «земли» волонтерская практика заставляет любить и уважать, как патриотов своего дела, и, уже вместе с ними, презирать «офицеров» из академий и штабов, которые, по сути, пороху не нюхали.

На обучении я познакомился с Ваней, который стал моим проводником в мир рейва и кайфа. Как раз в ту пору рейвы переживали подъем, так что я обзавелся тусовками в нескольких частях города. Выходил с рейва в женском пальто, выходил почти без одежды, но никогда не выходил с девочками; однажды не выходил оттуда неделю.

Поскольку ни рейвы, ни обучалки толком не помогали поискам, я прибегнул к самообразованию – и прочитал всё более-менее полезное о поисках, от рассуждений спасателей из Архангельска, которые издали классную книжку о поведении потеряшек в лесу, до труда береговой охраны и ЦРУ США, которые озаботились визуальным обнаружением на местности, и удивился, как мало толковых вещей в реальности применяет отряд.

Поскольку ни рейвы, ни поиски, ни обучалки не помогали с женским полом, порой я отправлялся в любимое заведение, где продавали книги и пиво одновременно, и заигрывал (то есть выпрашивал секс из жалости) с продавщицами и официантками. Секса мне не давали, но знакомили с современной философией, поэтому я читал Делёза, Жижека и Бодрийяра и удовлетворял себя сам.

За эти месяцы мы выкурили с Хрупким целую рощу анаши. Он переехал от безденежья в гостиницу к Зиду, где потом жил месяцами. Хрупкий, как и я, был

обделен женским вниманием, и, как и я, постоянно ныл. Правда, предмет его нытья был конкретен – Хрупкий плакался о своей ненаглядной, которая класть на него хотела.

Без секса и денег, в отчаянии я отправлялся к своей бывшей жене. Явился пьяным – получил по морде, пришел трезвым – получил секс, но на этом мои контакты с ней окончательно прервались, потому что денег не было даже на электричку, а ехать к ней было неблизко.

В отчаянии еще большем позвонил старой приятельнице, которая тут же устроила меня на телеканал для путешественников, снимать фильмы про живую природу. Работа завидная, много поездок по стране. До конца года я снял три фильма.

С деньгами стали доступны случайные связи, и о бывшей жене я позабыл. Зато использовал часть денег с умом: сколотил команду из шести человек и съездил в Питер на учения тамошних волонтеров, которые были на голову выше нашего московского отряда. Чуваки устраивали тридцатичасовой марафон с пожаркой, альпухой, спасением на воде, поиском в лесу, сортировкой пострадавших и так далее.

Лесной этап предподнес сюрприз: потеряшку на площади в 6–12 кв. км надо было искать тремя двойками и найти за 6 часов. Задачка не самая простая, учитывая местность: остатки «линии Маннергейма» с окопами, блиндажами, а порой и сохранной ржавой проволокой. Ширина укреплений местами доходила до километра, и мы бродили, переходя бывшую линию фронта туда и обратно. Кстати, с задачей мы справились и потеряшку разыскали за пару часов.

Потом пришла пора наших собственных учений, где 50 идиотов на площади в 5 кв. км должны были найти трех потеряшек, – и потратили на это почти сутки. Причем одна парочка видела пропавшего, но тупо прошла мимо. В лесу!

Одним из участников этой «лисы», т. е. поисковой группы, был абсолютно гениальный волонтер Михалыч, который потом стал рекордсменом отряда по числу найденных лично им. То ли 8, то ли 10 человек он вытащил в течение «грибного» сезона. Он чувствовал пропавших каким-то звериным нюхом и, выйдя после 10 часов поиска в лесу, подходил к карте, тыкал пальцем себе новую задачу и отправлялся обратно в лес, чтобы вернуться не с пустыми руками, а с

какой-нибудь очередной пропавшей бабкой. При этом было абсолютно не важно, кто из координаторов руководит поиском, – все равно потеряшек находил Михалыч, сам, по своей же задаче, в указанном им же квадрате. Но самое любопытное, что он никогда не мог толком объяснить, как это работает. То есть он не мыслил системно, а просто чуял этих бабок за версту.

На тех учениях всех трех потеряшек нашли «лисы», где был я, сияя роскошным оранжевым костюмом дорожного рабочего, который я специально прикупил, чтобы быть видным в лесу. Прочитав книжку о визуальном обнаружении, я знал, как важен размер цветового пятна, и стал пятном в квадратный метр. Между тем многие ходили в камуфле, что здорово осложняло прочес: когда ты едва видишь человека в пяти метрах от себя, тяжело гарантировать качество обнаружения и саму работу в цепочке.

Учения снимал телеканал «Russia Today» – видимо, чтобы показывать «им», англосаксам, германцам и американцам, какое тут охуенное гражданское общество у нас. Оператор по кличке Платоныч так проникся, что потом пришел в отряд.

Так подошла к концу моя первая отрядная весна. К сезону я подготовился неплохо, поэтому ждал, когда же посыпятся поиски, и мечтал, как я найду первого своего потеряшку в лесу.

9. «Billy’s Band»: «Счастье есть»

Июнь. Прекрасное времечко, когда поисков мало и на них есть силы.

Отряд решил провести большие, основательные, контрольные учения перед сезоном. На поляне в Рузском районе – машин 50, участников – человек 100.

Мы с Ваней и Ко сделали свой этап, по аналогии с подсмотренным в Питере, «Тропа обнаружения». В лесу на протяжении метров 200–300 натянута киперная лента, указывающая «тропу». Вокруг, в рандомном, но оправданном математически (по специальной формуле) порядке разбросаны вещи разных типов визуального обнаружения – от ярких тряпок «сигнальных» цветов

(салатовый, ярко-красный, желтый, оранжевый) до абсолютно сливающихся со средой вещей вроде камуфла. Основная задача группы – пройти по тропе, не выходя за пределы контрольного времени, и «собрать» все тряпки. Такая тренировка нужна, чтобы люди понимали, как сложно обнаружить нечто в природной среде. В нашем случае это «нечто» – молчаливое тело потеряшки.

Руководит учениями Немец. Немец – пузат, жесток, изобретателен и учится на своих ошибках. В данном случае ошибкой считаются прошлые – «скучные» – учения.

Первый день в этот раз – теория и упражнения вроде нашей «тропы», азов картографии, связи и т. п. День проходит прекрасно, вечером мы с Ваней и парнями поем «Счастье есть», парни рубят на укулеле и барабанах. Сюда бы еще косячок или пива, но на учениях – сухой закон.

Ночью Немец вызывает меня к себе. Рядом с ним – Валя, мужик лет 45, по кличке Бродяга. Он оправдывает свое погоняло – живет, где придется, кажется, вообще не работает, а летом проводит все время в лесу. В поисках он принимает участие редко – я так полагаю, только в тех случаях, если ему добираться недалеко. Зато любое из его нечастых появлений помогает штабу: настоящий житель леса с беззубой разбойничьей рожей, огромным ножом на поясе, он легко шагает в лес на самые отдаленные участки, может там переночевать и утром продолжить выполнять задачу.

Учитывая похуизм Бродяги и мою избыточную энергию, Немец отправляет нас в маленький лесок, километра полтора в длину и шириной метров 500. Эта полоска – довольно подлая, посреди нее – глубокий развитой овраг, переходить который нелегко. Немец крайне жесток, как сказано выше, поэтому вдобавок к непростой местности мы должны передвигаться без фонарей и изредка зычно орать, навлекая группы на себя. Нам надо «погонять» поисковиков по лесу пару часов. При этом лес в полкилометра перекрывается цепью из 20–30 человек, то есть задача у них относительно простая – это вам не иголка в стоге сена. Правда, группы, как правило, по 5–7 человек, так что шанс «погонять» их у нас есть. Ну, что ж, доброй охоты.

Когда лежишь в траве, мокрый от вечерней росы, и видишь 5 фонарей, идущих на тебя, – инстинктивно хочется удрать. Поэтому я шепчу в рацию Бродяге: «Они

у меня, отвлеки». Бродяга орет, и глупые фонари разворачиваются. Только я подобрал себе уютную елочку с сухой подстилкой, как в рацию слышится голос Бродяги: «Эй, теперь ты!». И я ору, причем ору так, чтобы было похоже на Бродягу, и понимаю, что тут же надо тикать – чтобы они не поняли, что нас двое. Пусть думают, что это один идиот шароебится по лесу. Идти ночью в лесу, подсвечивая себе дорогу только тусклым экраном навигатора, нелегко. Но я выползаю из леса, оббегаю метров 200 и ору оттуда. Тупые фонари уже с трех сторон! Проходит минут 10, они оказываются близко, – и тут орет Бродяга.

Мы гоняли их часа полтора, покуда они не поняли, что нас двое. Бегать стало бесполезно, надо было зашхериться. Я прячусь между двумя упавшими березами, но увы: вскоре они чуть не наступают на меня. «Нашли!» – орет мужской голос над ухом. «А чего он не шевелится?» – голос девушки. «Потому что, блять, фонари от меня уберите, чтобы я не ослеп», – недовольно ворчу я, пыхтя в землю.

Фонари убирают, я освещаю группу мягким светом навигатора – и вижу самое прекрасное лицо, которое я когда-либо встречал. Она. Loop – так на форуме. Впрочем, эта кликуха быстро отвалилась: после того как все, благодаря мне, узнали, что в детстве папа звал ее Куклой. Кукла. Прекрасная и невозможная, несбыточная. Мой Эверест, и я без кислорода, совсем не шерп, считай, обреченный на верную смерть недалеко от вершины.

«Транспортировка пострадавшего», – жестит в рацию группе Немец. Ну, что ж. Это первое такое знакомство, когда девушка сразу несет меня на руках. Правда, в компании с пятью мужиками, но какая разница. Километр – у неё на руках. Счастье есть.

После 4 часов сна, с раннего утра – снова «потеряшкой» в лес, бегать из конца в конец, «засвечиваясь» на разных опушках и просеках, чтобы меня гипотетически могли засечь наблюдатели с вертолета, летающего весь день над лесом. Усталость снимается только сном под елкой в грозу, когда все группы выходят из леса, а вертушка улетает. Жалко, что не удается увидеть ее, Куклу, Loop, самую невозможную, недостижимую и прекрасную.

…На следующий день, продрав глаза дома только ближе к вечеру, читаю смс: «Поиск, Владимирская область, под Петушками, мальчик 5 лет, ЛЕС».

Мы с Ваней, Абрамсом, дайвером Суреном и спасателем Тик-Током – первые на месте. От вводных приколбашивает: мужик унес мальчика из СНТ в лес. На руках. Незнакомый никому мужик. Схватил и унес ребенка.

Мы находимся в полутора километрах от СНТ, на шоссе, как раз с той стороны, куда похититель направился. Сурен и Тик-Ток тут же убегают «навстречу» маньяку, сообщая в рацию, что иногда видят одиночные следы перехода через влажную, приболоченную просеку. Мы с Ваней решаем обследовать другую просеку, перпендикулярную и сухую, – скорее всего, маньяк не стал бы задерживаться на открытом месте близко к СНТ, а отходил бы по выбранной нами просеке. Абрамс остается ждать остальных для организации штаба.

Мы спокойно прочесываем просеку и ближайшие к ней кусты (при выборе задачи учли, что надо будет отрисовать на карте точно, а с просекой это возможно), тоже находим пару следов. Нам остается закрыть метров 100 в длину, когда появляется Жора и организуется штаб. Всех вызывают туда. «Жор, где-то тут зацепки должны быть, Сурен нашел следы, и мы тоже – на просеке, свежак». Жора выслушивает внимательно и соглашается первым делом обследовать эти квадраты.

Но вмешиваются менты, которые просят нас организовать толпу местных жителей, желающих помочь. Жирные, загоревшие дачники в шлепках и чуть ли не с младенцами в руках стремятся поймать маньяка и восстановить вселенскую справедливость.

– Че, мы тоже с ними пойдем? – удивляется Ваня. – Жор, это же пиздец.

– Понимаю, но…

Жора вынужден пойти навстречу полиции и отправляет нас обследовать заболоченную просеку с отрядом жирных дачников. Ваня прав – все это полный пиздец сразу по нескольким причинам:

1) если мальчика просто насиловали, то это было сразу и недалеко, он может быть жив и где-то здесь;

2) если он не окрест и убит, надо быстро обследовать местность и расширять поиск;

3) если он не здесь и не убит, надо быстрее работать над всеобщим оповещением, сиречь СМИ, репосты, ориентировки.

Выгуливать дачников по болоту, где маньяки оставляют трупы крайне редко, – это непозволительная роскошь. Тем не менее, теряя шлепанцы, подбирая животы и вытирая сопли, дачники вразброд, по кочкам, с хреновыми фонарями, выгуливаются целых 2 часа на страшно маленьком отрезке болотца. Когда последний толстопуз вываливается наконец из зарослей болотной травы, мы опрометью возвращаемся на позиции, но тут же слышим команду: «Всем лисам вернуться в штаб».

Выясняется, что предел идиотии полицией не достигнут. Они выгоняют всех из леса, чтобы провести колоссально тупую по своей идее операцию. Мы будем дружно ловить маньяка. ЛОВИТЬ МАНЬЯКА. Который был здесь часов 8 назад. При этом нам, гражданским, с собой полицейских не дают, велят сидеть в кустах и, если что, орать «маньяк» в рацию.

Ничего более тупого ни до, ни после я не делал. «До» не делал, потому что не было настолько резонансных поисков, куда сразу приезжает море генералов в каракулевых шапках и с шашками наголо, «после» – потому что плевал, как и весь отряд, на мнение ментов. И это единственно верное решение в лесных поисках начала десятых годов – плевать на мнение ментов. Жора принимал их мнение – с выражением понимающей мины, в этом смысле он выдающийся артист и большой дипломат. О его дипломатии мы с Ваней и еще парой поисковиков думаем, пока кормим комаров на доставшемся нам в присмотр кладбище. А еще я думаю о том, что если мальчик жив и он здесь, то время его, скорее всего, сочтено.

С наступлением рассвета мы выходим из леса, и нам наконец, спустя 12 часов после начала поиска, разрешают брать нормальные задачи. Однако мне все равно не дали тот оставшийся кусок у просеки – там уже было МЧС, еще один медлительный, неповоротливый враг человечества.

Мы отправляемся прочесывать БЛИЖАЙШИЙ, то есть примыкающий к СНТ квадрат, и уже через 10 минут обнаруживаем там подобие устроенной лежки. Комфортное место, за бревном, где расстелена пара старых рубашек – для мягкости. Оттуда прекрасно просматривается въезд в СНТ, где и был похищен мальчик. Рядом лежат кусок булочки, какая-то перчатка, еще какая-то мелочь.

Мы вызываем на место СК – чтобы криминалисты забрали всё это барахло, и, дождавшись довольно расторопных сотрудников, дообследуем квадрат и выходим к СНТ, где располагались штабы полиции, СК, МЧС.

Тут снуют десятки офицеров, постоянно шипят рации – и ничего, по сути, не происходит.

Мы садимся покурить и по рации просим штаб дать следующую задачу, исходя из нашего положения.

К эмчээсовцам подходит какая-то рыжая, красивая женщина с окаменевшим лицом. Полковник что-то тихо говорит ей – и лицо женщины оживает: искривляется в гримасу невозможной, отчаянной боли матери, которая потеряла своего ребенка. Она застывает, мышцы словно не дают ей распрямить ноги до конца или, наоборот, сесть на корточки; руки, согнутые в локтях, застывают в полузависшем положении, не касаясь ни лица, ни бедер; белые глаза ее как будто проваливаются внутрь черепа.

Ваня плачет.

«Отряд, всем отбой, всем вернуться в штаб. Поиск завершен. Найден, погиб», – доносится из нашей рации, и женщина начинает падать. Ее подхватывают мужчина и полковник.

Мы идем в штаб – как стало понятно, почти что дорогой маньяка: от СНТ через мокрую просеку, а затем через ближайший лес.

Никогда не видел такого на поисках. Десятки людей просто молча сидят в разных местах – в машинах, на земле, на пеньках, почти все молча, только некоторые переговариваются дежурными фразами. Татарка ревет без звука, уткнувшись в плечо Зида. Сурен курит и временами молча смотрит на Тик-Тока, будто пытаясь спросить, верно ли они побежали по заболоченной просеке. Ляля, с опухшим лицом, прижимает к груди стопку ориентировок с фото мальчика.

Ко мне подходит Жора. «Тело у просеки». «Сухая», та самая, «наша» просека оцеплена полицейскими, в кустах – несколько СКшников и менты. Перед оцеплением стоят несколько репортеров, камеры направлены туда, в место трагедии, которое плохо просматривается.

– Кто нашел-то?

– МЧС.

– Мы бы еще вчера там нашли, вот на полчаса позже бы вы нас вызвали…

– Просьба есть, от полиции. Они координаты сами снимать не умеют, сходи.

Жора протягивает навигатор. Он бодр и равнодушен, как Будда. Он отправляет – именно меня: закрыть гештальт. Большой лидер.

Я иду через оцепление молча, думая только о том, могли мы успеть или нет. Немножко трясет, когда подхожу к месту.

Тело пятилетнего мальчика. Прекрасный, голый, толстый белый мальчик с мягкими волосами. Синие губы, пальцы и пиписька.

– Кому координаты?

– Записываю, – говорит некто в форме.

– 55 градусов точка 659662 северной широты, 37 градусов точка 645530 восточной долготы.

Тело приподнимает эксперт, говорит что-то о трупных пятнах, их характере и прочее. Это записывает помощник.

– Скажите, какое время смерти?

– Слушай, – отвечает, надавливая на трупное пятно. – Думаю, через пару часов после похищения, да, часов в 6 вечера.

– Пару часов?

– У него голова разбита, умер, скорее всего, от черепно-мозговой травмы, здесь.

Позже мы узнали точную хронологию событий.

Ублюдок пытался изнасиловать мальчика, но у него не вышло. Тогда он стукнул его головой о дерево – со всего размаху, и бросил умирать в кустах.

Мы бы правда не успели. Мы бы точно не успели. Но это ничего не меняет, вот в чем штука.

Это пробуждает ярость. Укрепляет в желании заниматься нашим делом. Это объясняет, почему волонтеры, когда находят пропавшего, часто причитают, как бабки: «Нашелся наш миленький, наш прекрасный, ничего-ничего, всё уже хорошо». И это может быть произнесено как ребенку, так и старику. Он для них – миленький и прекрасный, потому что ЖИВОЙ.

Детский труп. Это водораздел между человеком обычным и поисковиком. Поисковик с гордым словом «волонтер» в башке готов сознательно вписаться в то, что заставит его увидеть такое зрелище второй, пятый, десятый раз. Мало того, когда всё указывает на смерть, он должен по-прежнему хотеть найти точку, где эта смерть празднует свой пир. Он должен стать тем, что мыслит этой самой точкой, а не обладает собственным состоянием как фактом, не позволяет своей психике вмешиваться в дело. Его цель – НАЙТИ. И он должен быть готов найти то, что в радиообмене принято называть «муравейником». Не помню, кто и когда это ввел, но введено было для того, чтобы родственники пропавших не могли, услышав рацию, сразу понять, что их близкий мертв.

Домой. Скорей домой.

10. Elvira T: «Всё решено»

Хрупкий снова нашел работу, но решил остаться жить в гостишке. Зид и Татарка рады были компании: есть с кем побухать, поболтать, и вообще, лишние руки – это хорошо. Отрядный комплект из 20 раций, горы фонарей и прочего нуждался в постоянном присмотре. Казалось бы, присмотр – не лучшее занятие для Хрупкого. Но он так скучал по заднице своей ненаглядной Милы и только по

утрам был занят работой, что ему все равно ничего другого не оставалось.

Мы сидим и играем в настолку. Звонит Ляля: нужна помощь на «трех вокзалах». Провести ночь, шарахаясь среди неприкаянных пассажиров плацкартов в залах ожидания и ханыг на улицах – вполне обычное занятие для волонтера.

Мы с Хрупким отправляемся на Казанский. Какой-то работяга застрял там без билета, у него украли документы и деньги, пару дней назад звонил домой, потом связь прекратилась. Конечно, мы пробубнили Ляле про «бесполезно, это кирпичный заводик в Дагестане», т. е. пропавшего похитили в рабство, но Ляля просит проверить: вдруг он все еще околачивается на вокзале.

Мы бродим по Казанскому пару часов, раздавая ментам ориентировки и развешивая их на своих, фирменных отрядных щитах, установленных на вокзале; беседуем с бомжами, попавшимися на глаза, и со всеми продавцами открытых лавочек.

Один из бедолаг, уже полубомж, рассказывает свою историю: точь-в-точь как у нашего пропавшего. Хрупкий реагирует неожиданно: «Тебе куда, в Оренбург? Штапич, давай ему билет возьмем в пополаме?» Этот пополам стал для меня ровно половиной того, на что жить надо было еще дней 5, до аванса. Но, сука, Хрупкий – самый бестактный человек даже на вокзале, даже на Казанском вокзале, поставил меня в безвыходное положение. Мы сажаем чувака на автобус (там не нужен паспорт, в отличие от поезда). Чувак пообещал позвонить, как доберется.

От бомжей мы узнаём, что на Казанской ветке появилась ночлежка по типу той, которая обычно стояла на Октябрьской ж/д, то есть прямо за Ленинградским вокзалом. Бизнес простой: в отстойнике всегда стоит вагон-другой-третий, а то и целый состав, в котором проводники дают переночевать бомжам за 50 рублей койка. Запах там впечатляющий, а туалеты лучше и не пытаться себе представить. Мы идем искать эту новую ночлежку, где мог бы быть наш потеряшка. Ночлежка, на удивление, оказалась пристойной, и спали там в основном гастеры. Нашего не видели.

Задача закрыта, и мы отправляемся в гостишку вдвоем. Но тут же падает поиск, на который нельзя не откликнуться. Мальчик, 3 года, лес, Смоленская область.

Хрупкому утром надо на работу, а я сажусь в тачку к чуваку с изящной кликухой Рептилия, и мы мчимся за 200 км.

Мы будем первым экипажем на месте, поэтому мне звонит Жора, который координирует поиск. «Первым делом отрежь воду. Сказали, что утром будут егеря, попроси их отрезать воду. Если он еще не там».

Отрезать воду – значит сделать так, чтобы ребенок не мог к ней выйти незамеченным. Утопление – главная причина смерти детей до 8 лет в природной среде.

Я со скепсисом изучаю карту: пруд в центре поселка, река вдоль поселка, водохранилище за дамбой чуть дальше. Тем не менее 5 егерей хватает, чтобы отсечь внешние водоемы.

Мы как раз расставили мужиков по точкам, когда прибыл Жора. Сразу за ним – экипажи волонтеров – штук 10 кряду, а потом еще и еще. Ляля, которая не спала и координа поиск на «трех вокзалах», тоже примчалась на поиски ребенка. Платоныч, тот самый оператор с «Russia Today», другие знакомые лица – много, очень много опытных волонтеров.

Начинаем оборудовать вертолетную площадку прямо в центре деревни, первые группы едут с ориентировками по соседним деревням.

Ищу партнера для оценки местности, в марш-бросок за реку (если вдруг малыш ушел по дамбе в лес), и вижу Кису, выползающую из джипа.

– Пойдем, задача есть.

– Пойдем.

Быстро пробежавшись в лес, увидев кабана и оценив растительность, возвращаемся в штаб. «Кэп, все просто, ходибельно», – отчет Жоре. Он переключается на лес, а нам с Лялей велит заняться опросом детей, которые были последними, кто видел мальчика.

Выясняется такая картина: дети гуляли у пруда, причем самый младший, пропавший, был с двоюродным братом, который должен был за ним присматривать. Брат вел себя агрессивно и пообещал утопить мальца, если тот не перестанет верещать и мешать играть. Другим детям брат – всего 8 лет, кстати, – был известен как чудовище, изредка навещавшее бабку в деревне. Это чудовище в свои годы могло убить котенка толстым куском провода, надувало через попу лягушек и без устали колотило других детей. Мелкий, впервые приехавший к бабке в деревню, всех этих нюансов не сек, поэтому поначалу не обратил внимания на обещание утопить его в пруду. А чуть погодя – он пропал. Дети как один уверены, что старший утопил мелкого. Сам старший отпирается и божится в своей невиновности.

И у Ляли, и у меня, и у Кисы глаза лезут на лоб: такой достоверной кажется версия детей. Причем мы опрашиваем их отдельно, и они на разные лады говорят одно и то же.

«Жор, надо в пруду искать…» Жора вызывает Сурена, нашего дайвера; тот обещает часа через 4 быть на месте.

Мы почти не сомневаемся, что мальчика утопил старший брат, и это здорово напрягает всех. Но люди идут на задачи, и мы с Кисой тоже решаем еще раз зайти в лес.

– Есть шанс, что он не утонул? – спрашивает Киса, как только мы отходим от штаба. Такие вопросы задают с одной целью – чтобы их автора разуверили.

– Ну, шансы всегда есть.

В этот момент оживает рация – и радостный голос Ляли трещит: «Всем лисам отбой, найден, жив!»

Местные несут малыша – заспанного, закусанного комарами, с сеном в волосах. Ляля рыдает, Киса тоже. Чтобы не заплакать, как девчонки, я широко открываю глаза, – но, когда меня обнимает Ляля, я утыкаюсь ей в плечо и мгновенно заливаю его.

На поляне садится вертолет. Жора опять как Будда – но Будда улыбающийся. Все обнимают всех, все рыдают со всеми – все, но не Жора. Жора стоит, как

изваяние.

Малыша уносят домой. Позже выяснится, что он так испугался братца, что спрятался в сарае, который нашел неподалеку. Потом стемнело, и выходить стало еще страшнее. Его жрали комары, он подмерзал, крепко уснул только под утро.

Мы разъезжаемся в состоянии эйфории – но на подъезде к Москве звонит Ляля: «У нас еще один ребенок, 5 лет, Домодедовский район». Третий поиск подряд, в моей жизни такое впервые. Потом окажется, что в сезон это нечто вроде нормы, такое переживает каждый.

Лес, поселок, река. У реки – согбенная фигура прабабки пропавшего мальчика, которая гуляла с ним именно здесь. Опять вода, опять все предельно ясно, и опять – дурацкая, невероятная, еле тлеющая надежда на чудо, похожее на смоленский сарай. Утром, черт подери, мы это видели! Такое бывает!

Главная задача – у Сурена, который приехал на этот поиск уже с бригадой дайверов. Мы как-то скупо здороваемся, потому что надеемся, что Сурен и его ребята не станут теми, кто найдет.

Жора отправляет нас осмотреть лесопарк и берег реки. В общем, задача непыльная, только ивняк вдоль воды мешает. К иве, крайним к реке, иду я. Течение достаточно сильное для Подмосковья, река полноводная, настоящая, пока не изуродованная дамбами или бетоном набережной. Поиск похож на прогулку – тихую, среднего темпа прогулку, участники которой договорились пофилософствовать наедине с самими собою, не сильно отвлекая друг друга. Нас человек 6, и выйти мы должны далеко – километрах в трех от точки входа, а от штаба – и вовсе в четырех километрах. Поэтому мы договариваемся, что нас заберет пикап, в который мы дружно впрыгнем.

«Как я заебалась с этими поисками вашими», – тихо и грустно произносит Киса. Ухмыляется вся банда. Вползаем в кузов. За рулем – Рептилия, ему кто-то в штабе выдал джип. Из кабины разносится песня «Все решено». Кто-то говорит. «Кис, это про тебя… ядовитая… разбитая…» Хохот. Киса пританцовывает, не отрывая задницы от багажника.

Выезжаем из-за поворота – и видим, как Сурен выходит из воды. С телом на руках. Тишина.

Когда Сурен переоделся и пришел в штаб, я задал ему давно мучивший меня вопрос:

– Слушай, Сурен, а не страшно искать под водой? Там же по-любому труп?

– Не страшно, ты знаешь. Стремно, когда он всплывает перед маской, – там в воде же всё увеличенное. Особенно если он уже поплавал, размок… Зрелище жуткое. А тут… Ребенка жалко, но я привычен. Его я нащупал и вытащил не глядя.

Вечером я сидел и ныл в моем книжном баре. Маша, продавщица-филологиня, которой я ныл, надеясь на секс, так устала слушать про мои злоключения в личной жизни, что сказала: «У меня есть подруга, она флорист. Лена. Давай к ней поедем, у нее сегодня тусовка».

Тусовка разошлась часам к двум ночи, а я неловко и устало потрахал Лену и, даже не кончив, думал отвалиться поспать. Закурил и задумался о последних 36 часах. «О чем думаешь?» – тут же спросила Лена, которая наверняка переживала из-за чего-нибудь женского: неровной выбритости, или небольшой груди, или чего-нибудь там непропорционального. Она же чувствовала, что я трахался на отъебись, и это могло ее задеть. В ответ я неожиданно для самого себя рассказал, что происходило со мной в эти полтора дня. То ли в награду за то, что я не заметил никаких недостатков, то ли в качестве поощрения за бестолково, бесполезно для дела проведенное время я получил один из лучших минетов, какие можно представить.

11. «АукцЫон»: «Хомба»

Хрупкий решил разыграть какой-то странный и дикий спектакль. Он позвал меня на тусовочку со своей Милой в кафе. Поскольку мне было паршиво идти одному, я позвал Лену. Лена ответила, что подумает. Я очень нетерпелив, поэтому я тут

же позвал и ее подругу Веру. Вера тоже ответила, что определится позже.

Вера была продавщицей, как и Маша, сбагрившая меня от себя к Лене. После ебли с Леной Вера сама начала мне писать (как выяснилось позже, Лена ей просто что-то рассказала, причем сильно приврала, видимо, стремясь не так одиноко и упадочно выглядеть среди подружек), потому я счел уместным ее позвать.

В общем, случилось так, что я пришел на встречу сразу с двумя девушками, чего мой кошелек мне простить не мог. Потому мы с Хрупким договорились, что платит он, якобы по своей воле, исключительно из щедрости.

Мы играли в Элиас, или в Активити, в какую-то такую херню, в которую обычно играют люди, объединенные безысходностью времени и места действия. Все делали вид, что им весело. Мила смеялась над моими шутками. Хрупкий подыгрывал, но ревновал. Вера и Лена ждали разрешения странной ситуации, в которую сами себя поставили (друг от друга они заранее знали, что я позвал обеих). В общем, пиздодеятельное и бессмысленное собрание, которое вскоре пришло к публичной ссоре Милы и Хрупкого. Нет, конечно, Хрупкий имел остатки достоинства и срался в сторонке, выйдя покурить. Правда, он не учел, что курят все.

Эта ссора пришлась мне некстати. Вера и Лена глядели друг на друга, потом на выясняющих отношения Хрупкого и Милу. Я приобнимал Лену, но, увидев взгляды черноглазой и маленькой Веры, перестал. Вера выигрывала у Лены по большинству статей. Я сдался и покинул перекур первым.

За мной отправилась Мила. Мы умывались в соседних умывальниках, пока я не понял, что Мила заглянула не в тот туалет. Когда я поднял влажное лицо и спросил, зачем тут, в женском туалете, писсуары, Мила захохотала – и в этот момент вошел Хрупкий. Его лицо стало каменным. Он просто хотел в сортир, а тут его баба угорает над шутками другого парня. Хрупкий совершил кувырок внутри себя, чтобы не ебнуть кому-то из нас. Горжусь им до сих пор – с его-то характером и справиться. Браво. Мила вышла, я молча отлил. Хрупкий заперся в кабинке. Скорее всего, его перекосило так, что только четыре стены могли вынести это зрелище.

Подходя к столику, я вспомнил, насколько неловко было с Верой и Леной. Лена наклонилась ко мне: «Мы хотим втроем». К члену прилило столько крови, что сознание начало покидать мою неподготовленную голову.

– Да-да, нет-нет? – пытала Лена.

– А что, если нет?

– Тогда ты домой один.

– Не оставили вариантов.

Их предложение меня удивило – если учитывать то, как я тогда выглядел. 175, очень худой, одет как попало, длинные, месяц нечесанные, сбившиеся клочьями волосы, желтые, ужасные зубы. Жених хоть куда, если «хоть куда» – это на женскую зону, к истосковавшимся по любви после 5 лет отсидки «девочкам» лет сорока. Ебался я тоже, прямо скажем, посредственно. Поэтому в голове у меня был один вопрос – насколько это розыгрыш и почему Лена, с которой у нас все было неплохо (я же позвонил, позвал!), решила меня так разыграть.

Ночь прошла спорно. Да что я вру – хуево она прошла. Секс с двумя девушками – это как погоня. Одна вторая одна вторая одна вторая. Ты уже не думаешь о фантазиях, как это должно быть, что там бывает в порно. Нееет. Тут тебя не будут ублажать, тут надо работать, чтобы не опозориться. Честно – я и с одной-то не очень всегда справляюсь, а тут две. Гиперответственность подавляла само желание, чудовищная гонка согнала семь потов, а уставший член разогрелся как тормозная колодка в машине дрифтера. Немного выправляли мои ужасные метания сами девочки, которые как раз договорились между собой получить удовольствие. Надеюсь, им это удалось, потому что я после ощущал только усталость, неловкость и опустошенность. Я курил, смотрел на церковь и думал, какой же это пиздец: так заебаться от жизни, что уже и секс втроем не приносит новых впечатлений и удовольствия. Девочки, видимо, поняли, что у меня случился травматичный опыт, и позвали меня на концерт «АукцЫона» через день. У них был лишний билет.

Днем мы с Хрупким едем в машине Абрамса на поиск. Хрупкий не настроен разговаривать, поэтому я болтаю с Абрамсом.

Нас ждет Смоленская область, но на сей раз – бабуля в лесу. Естественно, без мобильного телефона, а значит, и без связи. Бабка в лесу уже 3 дня: заявители не сразу о нас узнали. Это в порядке вещей для начального периода существования отряда.

Также в порядке вещей – для первого, горячего и насыщенного сезона – на поиске у нас новый координатор. Как на войне – с увеличением числа поисков отряду требовались новые командиры, которых ковали из всего, что на первый взгляд подавало надежду. Поскольку никаких проверок и обучений не было, порой координаторов ковали из настоящего дерьма, а дерьмо, как известно, не лучший материал для ковки. Таким дерьмом был и Куб.

Во-первых, он выскочка, такой же, как я, только постарше и нескромный. Во-вторых, он играл в Encounter, а я искренне презираю людей, которые занимаются бесцельными городскими квестами. Взрослые дяди и тети носятся по городу, разгадывают загадки для пятиклассников, рисуют крестики на стенках. Казаки-разбойники для городских ребят, которые не прожили смертельно опасного, то есть нормального детства с петардами, сплавами на самодельных плотах, песчаными пещерами, стройками и так далее. В-третьих, он обаятелен, а этого я терпеть не могу. Мои способности обаять кого-либо стали ясны уже в первом классе, когда учительница жаловалась матери, что я все время злобно смотрю на нее исподлобья.

Объективно же меня мог, наверное, раздражать его дилетантизм. С одной стороны, дилетантами были все, с другой – не все рвались в координаторы. Я не решался даже заикнуться об этом – а Куб, пришедший в отряд всего пару месяцев назад, брался за поиски, и при этом он распоряжался ресурсом бестолково. Глядя на его карту поисков, можно было подумать, что он рисует шашечную доску: он закрывал один квадрат «прочесом», другой пропускал, брал следующий, и всё это не обосновывалось никак.

Поэтому я прошу Куба дать мне задачу, которая кажется разумной мне самому. Набираю группу: Шура и две новенькие девушки, и мы идем прочесывать квадрат.

Лес – тяжелый, такой называют «мордохлестом». Почти весь квадрат – заросшее густым березняком поле, добираться до которого пришлось через наваленный в 4 уровня бурелом. Тому, кто не бывал в лесах такого «мусорного» типа, трудно

представить себе, что 100 метров там можно идти полчаса, и это изматывает, как соревнования ниндзя по ящику.

Поскольку девочки невысокие, мы долго упражняемся в гребаной лесной гимнастике, прежде чем добраться до границы квадрата. Идти по густому подросту непросто, прочесывать – мучительно, и помогают только кабаньи тропы, которых там вдосталь.

В какой-то момент мы слышим тихое посапывание и похрюкивание. На островке за небольшим ручьем, под сосной, кабан «купается» в вырытой яме. Кабаны так и чистятся, и балдеют. Расслабленный секач причуял нас, вскочил и начал приглядываться своими слепыми глазками. Наша 4-я идет справа, там, где мелколесье максимально близко подходит к секачу. Только я подумал, что сейчас что-то произойдет, – как девочка вывалилась из кустов и закричала, указывая рукой направление: «Туда?» Кабан шарахнулся от нее, прямо на другую девочку. Та с криком ломанулась в чащу. Первая, повинуясь инстинкту, тоже бросилась обратно. «Стоп!» – ору я, но уже поздно. Тем временем кабан вынырнул из кустов и убежал в другую сторону. «Вернитесь!» – кричу им вдогонку. «Иди сюда! Сюда! Она тут…» – слышу в ответ.

Бабка лежит прямо между мелколесьем и буреломом. Сознания нет. Дыхание есть. Просыпаться упорно не хочет. Нужно докричаться в рацию до штаба, то есть Зари.

– Лиса-7 – Заре.

– Заря в канале.

– Найдена, жива, предполагаем кому. Нужна помощь в транспортировке. Примите координаты.

– Готовы.

По прямой до штаба – каких-то 500 метров. До дороги – и того меньше, метров 400. Подошедшая группа с мягкими носилками состоит из 3 мужиков и девушки. 8 человек на одну, не очень тяжелую бабулю, невесть каким образом прорвавшуюся через четырехэтажный бурелом. Первые 50 метров занимают полчаса. Выдохлись все.

За это время успела приехать «Скорая». Вышедший из нее врач дошел до границы бурелома и отказывается ползти/прыгать дальше. Врач разворачивается, возвращается в машину и уезжает, хотя по прямой от него до нас с носилками – метров 200. «„Скорая“ не работает в очаге». Это правда: врачи «Скорой» имеют полное право, например, не подходить к машине, в которой находится зажатый пострадавший, в болевом шоке, истекающий кровью, да какой угодно. Они имеют право смотреть, как он умирает, и спокойно ждать приезда спасателей. Никаких иллюзий насчет «Скорой» у нас и не было, но это все равно злит: лес ведь не очаг чрезвычайной ситуации, это просто долбаный лес.

Дальше – 2 часа упражнений на бревнах, бабка, которая всё не приходит в сознание, дыхание всё тише, нервов всё меньше.

Рваные в клочья трeники одной из девочек – новичок, не думала, что бывает такой лес; серые ее трeники на бедре промокнуты кровью, прилипли к телу.

Координатор и еще одна группа, с Хрупким во главе, приходят нам навстречу, чтобы упростить процесс. Нас – 13 человек. 13! И это все равно 2 часа кульбитов на 400 метров.

Наконец бабка на опушке, «Скорая» на месте. Дочь бабки, только что примчавшаяся из другого города, – человек без лица.

– Почему она серая? Почему она не отвечает? Она спит? Она жива?..

Тишина в ответ, никто не знает, что сказать. «Скорая» уезжает.

– Почему она серая?..

– Она жива, – наконец говорит Куб. – Больше я ничего сказать не могу.

– Почему так долго?..

Вечером я успел на концерт.

И далеко ли я

И без тоски ли я

Я вижу колья

И слышу крылья…

Лучше всего я танцую под песню «Роган Борн». Раньше у меня была традиция – ходить в оранжевой фетровой шляпе с красной бахромой и плясать под «Рогана Борна», которого нет, как и меня, в известном смысле, что никого из нас вообще нет здесь и сейчас, потому что время и пространство всё время смещаются и искажаются, и в них нельзя достигнуть статики. Хотя порой кажется, что весь мир вращается, видоизменяется, как лес вокруг носилок бабки, лежащей в коме, и только сами носилки с бабкой – нечто вечное и неизменное. Вера и Лена напиваются и остаются в кабаке после концерта. Я устал, еду домой один.

Звоню Хрупкому, зная его приятельство с Кубом и то, что он точно узнает о судьбе найденной.

– Слушай, че с бабкой?

– В больнице померла.

– Ну бля…

Дочь бабки подарила отряду фонарей, раций и чего-то еще. Всё это она привезла прямо домой Кубу.

Родственники пропавших часто благодарны, даже когда отряд находит тело. Отряд не принимает денег, помощь – только оборудованием или иначе, но без кэша.

12. Владимир Маркин: «Сиреневый туман»

Я уехал в Сибирь, в заповедник посреди Кемеровской области. Глушь такая, что забрасывают группы туда только вертолетом, всего 2 раза за сезон. Впрочем, ученые, которые не попали в «партию», идут пешком, 3–4 дня вдоль горной речки, только чтобы попасть на кордон, откуда уже предпринимаются вылазки в окрестные горы.

Дикие леса, которые гораздо лучше подмосковных, смоленских, тверских, рязанских. В тайге – высокие травы, но мало валежника, нет никаких рвов, бывших дорог, заросших просек и полей, следов войны в виде приболоченных окопов и провалившихся блиндажей. Кайф. Чистый и невероятный кайф от гор, ледников, оленей, медведей (мы встретили штук 8–10), кайф от нового для меня жанра жизни – «Особенностей русской национальной охоты». Жанр воплощается во всём: в водке, ящик которой мы приперли на кордон, в ловле хариуса, в купании в горном озере, в бане, где мы паримся с бельгийским лесником Кристофом, в соревновании – кто попадет в подброшенную водочную бутылку из «сайги». Кайф в медведице Машеньке, которая приходит в гости и может внезапно выйти из кустов, – и кайф в том, что стрелять в нее нельзя, но можно прогнать, кидая в нее дрова. Кайф – курить анашу, пока биологи травят байки об одиночных походах, а Кристоф читает мантры и сыпет в костер ароматные травки. Кайф – подняться в гору вместе с парнем, который ходил на Эверест. Кайф – пройти большой маршрут в поисках стада оленей. Кайф – научиться отличать «борец Пасько» от «борца байкальского».

Это – настоящее. Развлечения, которые обогащают кровь кислородом. Пик путешествия – когда внезапно прилетает внеочередной вертолет, из которого выпрыгивают местный олигарх с еще одним ящиком водки и совковый полузабытый певец. Олигарх – с какой-то юной девой. Совковый певец поет «Сиреневый туман» под гитару.

В это же время отряд – в страшном напряжении. Произошла Крымская трагедия. Жора договаривается с МЧС, как отправлять людей, транспорт, гуманитарку их «Илами» из Раменского. Ребята собираются, летят, разбирают завалы, выносят трупы домашних животных, чинят заборы и приводят в порядок жилье. Они – в пекле, там, где пахнет смертью в прямом, а не переносном смысле: трупы собак, кошек и – реже – людей смердят повсюду. Ребята видят, как погибших загружают в фуры торговой сети, помогают местным искать своих близких по больницам и холодным подвалам моргов. После прилета я страшно жалел, что не смог присоединиться к ним.

Еще одна веская причина моего сожаления – Loop, Кукла.

Мы встречаемся в бургерной, где я пялюсь – только на нее, сидящую наискосок, через 4 человек. Жоре интересно, что я делал в Сибири, ведь про Крымск он знает более-менее всё. Я пыжусь превратить свою историю в интересный рассказ и разукрашиваю, как могу. Loop посмеивается, это приободряет, я рассказываю про охоту на медведя с поленьями, это вызывает хохот. Ей нравится, боже, ей нравится, что я мелю.

Она снится мне, я открываю ее страничку VK раз в 15 минут, пока пишу сценарий фильма о заповеднике. Это становится помешательством. Как это бывает, когда всё по-настоящему, я не решаюсь ей позвонить.

Очень удачно попадается под руку поиск на западе области. Loop едет туда. Вызваниваю Рептилию, Зида, всех далее по списку. Ехать готов Абрамс. Он вообще всегда готов.

Пропала семья – муж, жена, ребенок 8 лет. Некоторое время они маялись, слоняясь по лесу, надеялись выйти по ориентирам (просекам), куда их направляли по телефону. Но в итоге отец семейства, которому подсказывали дорогу, оказался настолько туп, что завел свою семью еще глубже в лес и вообще привел в болото, где, конечно же, телефон сел. Надежда была одна: что этот сказочный долбоеб не потащит свою семью дальше и останется на месте, как ему и велел координатор, с которым он беседовал прямо перед отключением трубки.

Так что мы ищем нежизнеспособного мужчину средних лет и несчастную женщину с ребенком, которая, на свое горе, связала с ним свою судьбу. Здесь нет никакой иронии: если тебе 20–40 лет, ты умудрился заблудиться в лесу и подвергнуть опасности жизнь собственного ребенка, – ты дефективен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/shtapich_mrshavko/pleylist-volontera

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити